

Саша Бездушная

Рубиновая для дракона

«Литнет»

2026

Бездушная С.

Рубиновая для дракона / С. Бездушная — «Литнет», 2026

Говорят, я стерва. Редкостная. Так в личном деле и записано. И не хожу на свидания — потому что мужики после общения со мной обычно селятся в пещерах отшельниками. Но один дракон решил, что это не баг, а функция. Торвальд Изумрудный. Настоящий мужчина. Он старше меня на двести пятьдесят лет, мурлычет, как чешуйчатый котёнок, и на каждое моё «отвали» приносит полевые ромашки. Эта книга о том, как я, самая бронированная стерва Межмирья, влюбилась в невыносимого, нежного, упрямого дракона. И о том, что «настоящий мужчина» — это не тот, кто не ошибается, а тот, кто умеет ждать, любить и, если надо, порвать глотку любому, кто на тебя косо посмотрит. Читайте. Я разрешаю. Четвертая книга цикла «Драконы в Межмирье». Для полного погружения в мир лучше прочитать предыдущие книги. 1 книга : 2 книга : 3 книга : На момент выхода - книга бесплатна. После завершения будет платной.

© Бездушная С., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Ад, металл и платиновые волосы	5
Глава 2. Болото, пиявки и тактический провал	9
Визуалы. Торвальд	14
Глава 3. Тени прошлого	15
Глава 4. Как я стала стервой академии	19
Глава 5. Ужин, который чуть не убил дракона	22
Глава 6. Итог конфуза	27
Глава 7. Тайны и контракты	32
Глава 8. Кровь и табличка	39
Глава 9. Рубиновое пламя.	46
Глава 10. Зов дракона	51
Глава 11. Благородное решение	56
Глава 12. Первый дракон против.	61
Авторское	64
Глава 13. Полный облом	65
Глава 14. Компромисс (начало)	70
Глава 14. Компромисс (окончание)	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Глава 1. Ад, металл и платиновые волосы

Глава 1. Ад, металл и платиновые волосы

Торвальд

Я видел много дерьма за свои годы. Я видел, как рушатся миры, как горят города и как драконы пожирают друг друга в битвах за территории. Но такого я не видел никогда.

Женщина в серебристом комбинезоне влетела в зал через пролом в стене, который только что проделала мощным магическим разрядом, и я влюбился. Нет, серьёзно. Вот так — раз, и всё. Сердце пропустило удар, потом ещё один, а потом пустилось в галоп, как будто за мной гналась стая голодных варгов.

Она была прекрасна..

Платиновые волосы развевались за спиной, в руках она держала странный прибор, похожий на помесь арфы и плазменной пушки, а её глаза — золотые, горящие, как расплавленный металл — сканировали поле боя с хищной грацией. Она была создана для хаоса. И я хотел узнать её имя.

— Флинт! — рявкнула она в коммуникатор, даже не взглянув в мою сторону. — Я на позиции! Барьер держится, но я его сейчас разнесу к чертям собачьим!

Рядом со мной зарычал раненый гвардеец. Я мельком глянул на него — обычный перелом, не смертельно, — и снова уставился на неё.

— Кто это? — спросил я у ближайшего сапфирового офицера.

— Валерия Флинт, — ответил тот, не отрываясь от перевязки. — Старший оперативник Межмирового патруля. Говорят, стерва редкостная. И лучший специалист по артефактам во всех известных мирах.

— Стерва?

— Да. Мужиков на завтрак ест. Буквально. Слышал, она одного межмирника так отшила, что тот добровольно ушёл в отставку и поселился в пещере отшельником.

— Впечатляет.

— Вы что, заинтересовались?

— Я очарован.

Офицер посмотрел на меня как на сумасшедшего, но я уже не обращал на него внимания. Я смотрел на неё. Она тем временем вскинула свой прибор — я потом узнал, что это был резонансный деструктор, — и нажала на спуск. По залу разнёсся низкий, вибрирующий звук, от

которого у меня заложило уши. Барьер, который до этого сжирал магию лорда Аметистового, пошёл трещинами.

— Давай, чешуйчатый! — крикнула она, не оборачиваясь. — Бей в трещины, пока я держу частоту!

Рейнхарт — огромный аметистовый дракон, который только что разнёс ползала в поисках своей жены — обрушил хвост на барьер с такой силой, что стена рухнула. Осколки магической энергии разлетелись во все стороны, и я инстинктивно пригнулся, прикрывая голову. Когда я поднял глаза, она уже была в центре зала, разворачивая деструктор в сторону новых киборгов, которые лезли из проёма.

— Займись ими! — рявкнул Рейнхарт, бросаясь к Лайре.

— Уже! — она сменила тональность на приборе, и из него вырвался уже не звук, а волна — ослепительная, режущая, которая смела первую линию киборгов, как карточный домик.

Я поднялся, отряхнул мундир и направился к ней. Не потому что я был нужен — она явно справлялась и без меня, — а потому что я не мог оставаться в стороне. Мой дракон внутри меня требовал подойти ближе. Понюхать. Узнать.

— Леди Флинт! — крикнул я, приближаясь. — Вам нужна помощь?

Она обернулась. Её золотые глаза впились в меня с такой силой, что я на мгновение забыл, как дышать. Она окинула меня взглядом с головы до ног — мой изумрудный мундир, мои доспехи, моё лицо, — и скривилась.

— Ты кто? — спросила она.

— Лорд Торвальд Изумрудный, — я отвесил лёгкий поклон, стараясь не улыбаться слишком широко. — Кузен леди Эстель. Командир отряда поддержки.

— Отряд поддержки? — она фыркнула. — Вы опоздали. Всё уже почти закончили без вас.

— Я заметил. Но, возможно, я успею хотя бы прикрыть вам спину?

— Моя спина в порядке. Я сама её прикрываю.

— Я не сомневаюсь. Но, — я шагнул ближе и выхватил меч, отбивая летящий в неё осколок, — иногда даже лучшим воинам нужна пара глаз сзади.

Она посмотрела на осколок, потом на меня. Её лицо осталось непроницаемым, но я заметил, как дрогнул уголок её губ. Всего на секунду. Но я заметил.

— Ладно, — буркнула она. — Прикрывай. Но если подставишься — я тебя сама пристрелю.

— Договорились.

Следующие десять минут мы сражались бок о бок. Она работала деструктором, я — мечом и магией. Мы двигались синхронно, как будто тренировались вместе годами. Я прикрывал её левый фланг, она — мой правый. Я сбивал киборгов с ног, она добивала их резонансными ударами. Это было похоже на танец. Самый возбуждающий танец в моей жизни.

— Неплохо, — сказала она, когда последний киборг рухнул на пол. — Для дракона.

— Для человека тоже неплохо, — ответил я. — Ты красиво двигаешься.

— Я красиво убиваю.

— Это одно и то же.

Она фыркнула, но на этот раз — почти смеясь. И в этот момент я понял: пропал. Окончательно и бесповоротно.

Когда битва закончилась, и Лайра в образе ртутной драконицы растворила Ксавьера в лужицу на полу, мы стояли у выхода из зала, грязные, потные, но живые. Валерия вытирала пот со лба и смотрела на мокрое пятно, оставшееся от Ксавьера, с выражением смешанного отвращения и удовлетворения.

— Ну, — сказала она, — это было... познавательно.

— Ты как? — спросил я.

— Жива. Зла. Хочу в душ и выпить.

— Я знаю отличное место. — Я улыбнулся. — Сады Нефритовых. Вино, вид на озеро и никаких киборгов.

Она посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом. Я чувствовал, как она оценивает меня — не как мужчину, а как угрозу. Как противника. И, кажется, я прошёл проверку.

— Завтра, — сказала она наконец. — Сегодня я слишком устала, чтобы терпеть твои комплименты.

— Мои комплименты — это часть моего обаяния.

— Твоё обаяние сейчас на нуле. Завтра, Изумрудный.

Она развернулась и ушла, не оглядываясь. А я остался стоять, глядя ей вслед, и чувствуя, как в груди разрастается тепло.

— Ты влюбился, — раздался голос сбоку.

Я обернулся. Кайдан Сапфировый стоял в дверях, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с выражением человека, который только что увидел своё отражение в прошлом.

— С чего ты взял? — спросил я.

— У тебя глаза горят, как у меня, когда я впервые увидел Адэль. И ты улыбаешься как идиот.

— Я не улыбаюсь.

— Улыбаешься.

Я хотел возразить, но понял, что он прав. Я улыбался. Как влюблённый дурак.

— Чёрт, — сказал я.

— Чёрт, — согласился Кайдан. — Добро пожаловать в клуб.

Глава 2. Болото, пиявки и тактический провал

Глава 2. Болото, пиявки и тактический провал

Торвальд

Прошло три недели после битвы с Ксавьером. Три недели, три дня и примерно четырнадцать часов с того момента, как я впервые увидел Валерию Флинт.

И за это время я успел:

- *Выяснить её полное расписание (не сложно — она была педантична до зубного скрежета).*
- *Узнать, в каком кафе она пьёт кофе по утрам («У Хромого Зика» — отвратительное место, но я терпел).*
- *Попытаться заговорить с ней в коридорах Межмирового Офиса не меньше двенадцати раз.*
- *Получить одиннадцать «отвали, чешийчатый», один «ты ещё здесь?» и ноль — внимание, ноль — согласий на свидание.*

Я был в отчаянии. Мой дракон внутри рычал и требовал действий. Я же, как цивилизованный лорд, пытался действовать в рамках приличий. Но приличия, как выяснилось, работали примерно так же хорошо, как бумажный зонтик под водопадом.

— Ты опять за ней ходишь? — спросил Рейнхарт, когда я в очередной раз «случайно» оказался в том же крыле здания, где располагался кабинет Валерии.

— Я патрулирую территорию, — ответил я, не моргнув глазом.

— Ты патрулируешь коридор перед её кабинетом. Третий раз за день.

— Это стратегически важный коридор.

— Там только её кабинет и туалет.

— Туалет — стратегически важное помещение.

Рейнхарт посмотрел на меня с выражением человека, который узнал себя. Вдохнул. Покачал головой.

— Торвальд, ты влюбился как мальчишка. Это одновременно умилительно и жалко.

— Я не влюбился. Я заинтересован. Это разные вещи.

— Ага. Конечно.

Он ушёл, а я остался стоять в коридоре, пытаясь придумать новый предлог, чтобы заговорить с ней. Но тут дверь её кабинета распахнулась, и она вышла сама.

Валерия Флинт в рабочем костюме — облегающие чёрные штаны, высокие ботинки, куртка с нашивками Патруля — была зрелищем, от которого у меня перехватывало дыхание. Её платиновые волосы были стянуты в тугий хвост, на лице — ни грамма макияжа, под глазами — тени от недосыпа. И она все равно была прекрасна.

— Опять ты, — сказала она, заметив меня. — Ты вообще здесь работаешь или просто живёшь в коридоре?

— Я ждал тебя, — честно признался я.

— Зачем?

— У меня есть информация о возможном местонахождении остаточных артефактов Ксавьера. Я подумал, что тебе будет интересно.

Она приподняла бровь. Её золотые глаза сузились.

— Информация? Откуда?

— Мои разведчики нашли следы магической активности в болотах на границе миров. Я подумал, что мы могли бы проверить это вместе.

— Мы?

— Ну, я и мой отряд. А ты — как специалист по артефактам. Чисто профессиональное сотрудничество.

Она смотрела на меня долго, очень долго. Я чувствовал, как она просчитывает варианты — согласиться, чтобы отвязаться, или послать меня подальше, чтобы я наконец отстал.

— Ладно, — сказала она наконец. — Но если это окажется ложной тревогой, я лично привяжу тебя к дереву в этом болоте и оставлю пиявкам.

— Договорились.

Я улыбнулся. Она фыркнула и пошла в сторону порталного зала.

Болото было отвратительным. Я ненавидел болота. Но я был готов терпеть любую гадость, лишь бы провести с ней больше времени. Мы шли уже третий час. Валерия двигалась впереди, её сканер магических аномалий мерцал зелёным — мы приближались к цели. Мой отряд растянулся цепочкой позади, но я специально держался рядом с ней.

— Ты дышишь мне в спину, — сказала она, не оборачиваясь.

— Я слежу за твоей безопасностью.

— Моя безопасность в порядке. Отойди на метр.

— Никак не могу. Это противоречит моим инстинктам.

— Твои инстинкты — это проблема твоего дракона, а не моя.

— Мой дракон считает иначе. Он говорит, что ты пахнешь...

— Если ты скажешь, что я пахну цветами или чем-то подобным, я тебя пристрелю.

— ...озоном и порохом, — закончил я. — И немного кофе. Это приятный запах.

Она замолчала. Я не видел её лица, но заметил, как её уши слегка покраснели. Прогресс. Мы вышли к полуразрушенному храму, заросшему мхом и лианами. Сканер Валерии запищал громче — аномалия была прямо здесь, внутри.

— Похоже, ты был прав, — признала она. — Здесь что-то есть.

— Я всегда прав.

— Не зазнавайся.

Мы вошли внутрь. Храм был старым — очень старым, — его стены покрывали руны, которые я не узнавал. Валерия сразу же принялась за работу — сканировала стены, читала символы, бормотала что-то себе под нос. Я же наблюдал за ней.

— Ты пялишься, — сказала она, не поднимая головы.

— Я восхищаюсь.

— Это одно и то же.

— Нет. Восхищение — это более интеллектуальный процесс. Пяление — это просто пяление. Я нахожусь на стадии интеллектуального восхищения.

— Ты издеваешься?

— Ничуть.

Она закатила глаза и продолжила работу. Я отошёл к дальнему концу зала, делая вид, что изучаю стены, но на самом деле просто пытался унять сердцебиение. Оно колотилось как бешеное каждый раз, когда она оказывалась рядом.

— Смотри, — вдруг сказал я.

Она подошла ближе. Я стоял у алтаря, держа в руках обломок каменной таблички, покрытый древними письменами. Её глаза горели азартом — тем самым, который я видел у неё в бою.

— «Когда адамантий встретит изумруд, спящая кровь пробудится», — прочитала она вслух. — Что это значит?

— Понятия не имею, — честно признался я. — Но я подумал, что тебе будет интересно.

— Мне?

— Ну, ты же специалист по артефактам. И вообще — умная женщина.

Она посмотрела на меня. На этот раз — без раздражения. Без сарказма. Просто посмотрела, как будто видела впервые.

— Спасибо, — сказала она тихо. — За то, что позвал.

У меня сердце остановилось. Потом забилось снова — в два раза быстрее.

— Всегда пожалуйста, — ответил я.

Мы вышли из храма, когда солнце уже клонилось к закату. Валерия убрала табличку в поясную сумку, и мы направились к точке эвакуации. Я шёл рядом с ней — не сзади, не спереди, а именно рядом, — и чувствовал, как между нами что-то меняется.

— Ты завтра свободна? — спросил я, когда мы уже почти дошли.

— Я занята.

— А послезавтра?

— Тоже.

— А через неделю?

— Торвальд, — она остановилась и повернулась ко мне. — Ты не отстанешь, да?

— Нет.

— Даже если я скажу, что ты мне неинтересен?

— Скажешь?

Она посмотрела на меня. Долго. Пристально. Потом её губы дрогнули.

— Чёрт, — сказала она. — Ладно. Завтра. Ужин. Но если там будут свечи и цветы, я уйду.

— Никаких свечей и цветов, — пообещал я. — Только вино и разговоры.

— И никаких серенад.

— Никаких серенад.

— И ты не будешь пялиться.

— Я буду восхищаться.

Она фыркнула и пошла в портал.

А я остался стоять посреди болота, грязный, мокрый, с пиявкой на штанине, — и чувствовал себя самым счастливым драконом во всех известных мирах.

Визуалы. Торвальд

Торвальд

Немного жарко стало

Глава 3. Тени прошлого

Глава 3. Тени прошлого

Валерия

Я ненавидела это чувство.

Оно приходило всегда после хорошего вечера. После того, как я позволяла себе расслабиться. Улыбнуться. Сказать кому-то «спасибо» и почти не пожалеть об этом. После того, как этот невыносимый изумрудный дракон смотрел на меня так, будто я была не старшим оперативником с репутацией стервы, а чем-то... драгоценным.

Вот и сейчас — я сидела на полу своей холостяцкой квартиры в Межмировом секторе, прижимая к груди старенький планшет с потрескавшимся экраном, и чувствовала, как где-то в груди разрастается знакомая, липкая пустота.

Экран планшета тускло светился. На заставке была фотография: старый деревянный дом, залитый солнцем, сирень у крыльца и две фигуры — мужчина и женщина, оба седые, оба смеющиеся, оба держащие меня за руки. Маленькую девочку в цветастом сарафане, с косичками и огромными золотистыми глазами, которые смотрели в объектив без единой тени той стали, что появилась в них позже.

Я провела пальцем по экрану, стирая невидимую пыль. Фотографии было почти двадцать лет. Сделанная настоящим фотоаппаратом, не голографией, напечатанная на старой глянцевой бумаге и потом оцифрованная мной, когда я поняла, что это всё, что у меня осталось.

Мама. Папа. Дом.

Я закрыла глаза и провалилась в прошлое.

Моё детство пахло земляникой и типографской краской.

Мама, Ирина Петровна, была библиотекарем в маленькой деревне в России, в моем мире. Она приходила с работы, пахнувшая пылью веков и ванилью, которую прятала в кармане, чтобы угостить меня. Мама умела слушать. По-настоящему. Когда я, семилетняя, взахлёб рассказывала ей про драконов, которых только что вычитала в одной из её книг, она не отмахивалась, не говорила «это сказки, доча». Она садилась рядом, смотрела мне в глаза и спрашивала: «А какой он был, этот дракон? Золотой? Синий? А может, изумрудный?»

Папа, Сергей Иванович, работал на местном заводе — старом, советском, с гудком в шесть утра и запахом машинного масла, который не выветривался из его рабочих рук даже после мытья с хозяйственным мылом. Он был молчаливым, большим, медлительным, как лось, и при этом умел делать невероятные вещи. Мог починить любую сломанную вещь — от утюга до трактора. Мог построить скворечник, который потом не сдувало самым сильным ветром. А ещё он каждое воскресенье водил меня в лес.

— Валерка, смотри, — он показывал на высокую сосну. — Видишь, как корни вросли в землю? Крепко. Как у дракона, которого ты любишь. Чтобы никакой ветер не свалил.

— Пап, драконы не живут на соснах.

— А ты откуда знаешь? Может, они и живут. Просто мы их не видим.

Мы были бедными. Не нищими — у нас всегда была еда, крыша над головой и даже пара лишних рублей на мороженое в сельпо, — но бедными. Мама вязала мне свитера из перепущенных ниток. Папа чинил велосипед, который был старше его самого. На Новый год я получала не голографические игрушки, а книги. Книги с картинками, где драконы летали над замками, а принцессы не ждали спасения, а сами сражались.

Я была доброй. Невероятно, раздражающе доброй.

В школе меня дразнили «библиотечной мышкой», потому что я носила очки в толстой оправе (зрение упало в десять лет — слишком много читала при плохом свете), стеснялась отвечать у доски и всегда, всегда подкармливала бездомных собак на задворках. Я могла расплакаться, если видела, как кто-то обижает котёнка. Могла отдать последний бутерброд однокласснику, который забыл поесть. Могла простить. Я умела прощать.

— Ты слишком мягкая, — говорила мне бабушка, пока мы пололи грядки. — Тебя мир съест.

— Не съест, — улыбалась я. — Если я буду доброй, и мир станет добрее.

Какой же я была наивной дурочкой.

Всё изменилось, когда мне было шестнадцать.

Не в один день. Не из-за одной трагедии. Просто постепенно, как вода точит камень. Мир показал мне свои зубы, и они оказались куда острее, чем я думала.

Первым ударом стала болезнь мамы. Рак. Быстро, агрессивно, без вариантов. Я помню, как она сидела на кухне после очередного сеанса химии — лысая, худая, с огромными глазами, в которых всё ещё теплилась жизнь. Она сжимала мою руку своими холодными пальцами и шептала:

— Лерочка, ты держись. Ты сильная. Я знаю.

Я не была сильной. Я была шестнадцатилетней девчонкой, которая каждую ночь рыдала в подушку, чтобы не разбудить отца. Которая после школы бежала не гулять с подружками, а в больницу, за двадцать километров на электричке. Которая научилась готовить, стирать и убирать, потому что папа работал в две смены, чтобы оплатить лекарства.

Мама умерла в сентябре. Бабье лето, золотая листва за окном палаты, запах хлорки и её последний вздох. Она улыбнулась мне. Перед тем как закрыть глаза, она улыбнулась.

— Ты моё солнышко, — сказала она. И всё.

Я не плакала на похоронах. Стояла у могилы, держала папу за руку, и чувствовала, как внутри меня что-то ломается. Не сразу — маленькая трещинка. Но она была.

А вот папа сломался. Он не пил, не уходил в запой — он просто... угас. Перестал чинить вещи. Перестал разговаривать. Сидел вечерами на кухне, смотрел на пустой стул напротив и молчал. Я пыталась до него достучаться — не получалось. Он был как дом, из которого вынули несущую стену.

Через полгода его сократили на заводе. Оптимизация. Новые хозяева. Старые кадры не нужны. У нас не было сбережений — всё ушло на лечение мамы. Не было работы. Не было будущего. Я бросила школу (десятый класс, почти аттестат) и пошла работать. В местный магазин — продавщицей за копейки. Мне было семнадцать.

А потом случилось второе.

Помню этот день поминутно. Холодный ноябрь, снег с дождём, серое небо. Я возвращалась из магазина поздно вечером — папа попросил принести хлеба. Дорога проходила через пустырь. Там было темно, фонари не горели уже года три, но я не боялась — знала каждый кустик, каждую кочку.

Они выскочили из-за гаража. Трое. Пьяные или под чем-то — я не разбирала. Но их глаза... я запомнила их глаза. Злые. Голодные. Такие глаза бывают у тех, кто потерял всё и хочет отнять последнее у другого.

Меня били. Долго. Сначала по лицу, потом по животу, потом ногами, когда я упала. Я не кричала — не было сил. Я только закрыла голову руками и молилась, чтобы они остановились. И не трогали меня. Они остановились. А затем.. Один, самый наглый, самый отвратительный начал разрывать мою одежду. Я думала они закончат, отобрав последнее: сумку, часы (дешёвые, папин подарок), и, кажется - это всё, что у меня было. Но нет...

Я лежала в грязи, разбитая, и смотрела в чёрное небо. Снег падал на лицо, таял и смешивался с кровью. И в этот момент я поняла: доброта — это роскошь. Роскошь, которую могут позволить себе только те, у кого есть сила её защитить. А у меня силы не было. Совсем.

Меня нашёл патруль. Не местный — межмировой. Случайно. Рядом с пустырём оказался скрытый портал, и двое оперативников вышли на проверку сигнала как раз в тот момент, когда грабители убегали. Они задержали тех, вызвали скорую и полицию(земную, нормальную), и один из них — женщина с зелёными глазами и спокойным, глубоким голосом — опустилась рядом со мной.

— Тебя как зовут? — спросила она.

— Валерия, — прошептала я разбитыми губами.

— Валерия, ты смелая. Ты выжила. Ты позволишь тебе помочь?

Её звали Лара. Она была из Межмирового патруля, специалист по аномалиям. И она предложила мне шанс. Не просто залечить раны — уйти. В другие миры. Учиться. Стать кем-

то, кто никогда больше не окажется в грязи, беспомощный и никчёмный. Стать тем, кем больше никто не сможет воспользоваться.

— Ты подходишь, — сказала она, когда тесты показали мой магический потенциал. — У тебя сильный резонанс с артефактами. Мы сделаем из тебя отличного оперативника.

Папа не стал меня удерживать. Он только кивнул, когда я рассказала ему, глядя в пол. «Езжай, Валерка. Там тебе будет лучше, чем здесь». Он умер через год. Инсульт. Мне сообщили в Академии, я прилетела на похороны — одна, в чёрном платье, с выправкой, которой у меня раньше не было. И снова не плакала.

После похорон я вернулась в Академию и сказала себе: хватит. Хватит быть той мягкой, доброй девчонкой, которую бьют, унижают, забирают последнее. Доброта — это люкс. А я теперь бедная. Беднее, чем когда-либо. У меня нет ни дома, ни семьи, ни даже могилы, куда я могла бы прийти и поплакать.

Есть только я. И я должна быть сильной.

Глава 4. Как я стала стервой академии

Глава 4. Как я стала стервой академии

Валерия

Академия Межмирового Патруля была не местом для слабаков. Там мне сразу установили глазные импланты (золотые глаза мне очень подошли). Зрение вернулось. Я видела все очень четко. Не помню, когда последний раз так хорошо видела. Но, только чтобы понять, что меня ненавидят, зрение не особо было нужно.

Меня ненавидели с первого курса. За то, что я была землянкой. Самой обычной. И все равно училась лучше всех. Я зубрила ночами. Тренировалась до седьмого пота. Осваивала артефактику, которой другие уделяли внимание только на лекциях. Я была навязчивой. Одержимой. Я должна была стать лучшей. Лучшей — чтобы никто больше никогда не посмел смотреть на меня свысока.

В меня влюбился однокурсник. Лоренс. Симпатичный парень. Добрый. Он носил мне кофе, помогал с домашними заданиями, смотрел влюблёнными глазами. А я... я позволила себе чуть-чуть расслабиться. Всего на несколько месяцев.

Лоренс оказался предателем. Не потому что хотел меня обидеть — просто ему предложили повышение. Место в престижном отделе. А для этого нужно было «поделиться информацией» о моём секретном проекте — устройстве для нейтрализации магических полей, которое я разрабатывала втайне от всех.

Он скопировал мои чертежи. Передал их начальству. Выдал за свои.

Я узнала об этом случайно — услышала разговор в коридоре. Лоренс стоял, опершись на стену, и говорил своему другу: «Да не парься, она же землянка. Кто ей поверит? Скажет, что украл — её же засмеют. У неё даже родных нет».

Я не стала кричать. Я просто ушла в свою комнату, села на кровать и смотрела в стену четыре часа. А потом собрала вещи, перевелась на другой факультет и поклялась себе: больше никогда. Никогда не открываться. Никому.

На четвёртом курсе я была уже не той девчонкой, которая пришла из российской глубинки. Я была Валерией Флинт (фамилию отца я оставила на Земле) — лучшим специалистом по артефактам за последние несколько лет. Я была резкой, саркастичной и держала всех на расстоянии вытянутой руки. Если кто-то пытался подойти ближе — я отшивала его так, что он бежал в другую галактику.

— Ты стерва, — сказал мне однажды инструктор.

— Спасибо, — ответила я. — Это лучший комплимент, который я слышала.

Я научилась использовать свою внешность. Я знала, что красива — высокая, золотоглазая, с платиновыми волосами и идеальной осанкой. И я использовала это. Мужчины падали

к моим ногам. Я разрешала им подходить ровно настолько, чтобы получить то, что нужно, а потом отбрасывала, как ненужную вещь. Я была жестока. Я была расчётлива. Я была той, кого боялись.

Именно этого я добивалась.

И вот теперь этот дракон. Торвальд.

Он не был похож на других. Не отступал. Не боялся. Смотрел на меня так, будто видел не ту стену колючей проволоки, которой я себя окружила, а что-то за ней. Может, ту самую девочку с косичками, которая верила в драконов и мечтала о любви.

Это бесило. Это пугало. Но, это... нравилось.

Я открыла глаза и выключила планшет. Квартира была тёмной, только свет от уличных фонарей пробивался сквозь жалюзи. Где-то в соседнем доме играла музыка, кто-то смеялся. Жизнь шла своим чередом.

А я сидела на полу, тридцатипятилетняя женщина с репутацией стервы, сжимала в руках воспоминания о доме, которого больше нет, и думала о том, что завтра у меня ужин с драконом.

— Ты дура, Флинт, — сказала я себе вслух. — Он разобьёт тебе сердце. Или ты — ему. В любом случае, это кончится плохо.

Но где-то глубоко, в той самой трещинке, которая образовалась много лет назад, шевельнулась надежда. Маленькая, глупая, совсем не оперативническая. Может быть, не всё потеряно? Может быть, можно быть сильной и при этом... не быть сукой?

Я легла на кровать, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза.

Перед сном я вспомнила маму. Её улыбку. Её слова: «Ты моё солнышко».

— Я стараюсь, мама, — прошептала я в темноту. — Я стараюсь быть тем солнышком. Просто иногда... иногда это очень тяжело.

Завтрашний ужин всё равно будет провалом. Но, может быть, хотя бы не катастрофой. И если этот изумрудный дракон снова будет смотреть на меня с нежностью, я, возможно... возможно, не пошлю его сразу на все четыре стороны. Возможно.

А может, всё-таки пошлю. Посмотрим.

Я уснула с улыбкой, которой не было на моём лице уже очень много лет. И мне приснился старый деревянный дом, залитый солнцем, сирень у крыльца и дракон с изумрудными глазами, который ждал меня на крыльце.

Совсем как в детстве.

Только в детстве драконы не улыбались так, словно знали меня сто лет. И не смотрели так, будто видели насквозь — всю, без брони, без масок, без «стервозного» фасада.

Но Торвальд смотрел именно так.

И это пугало меня сильнее, чем любой враг.

Глава 5. Ужин, который чуть не убил дракона

Глава 5. Ужин, который чуть не убил дракона

Торвальд

Я переоделся семь раз. Семь. Это новый рекорд даже для меня, лорда Изумрудного, который однажды готовился к приёму у Нефритовых целых три часа и всё равно я выглядел так, будто только что вылез из болота.

— Ваше сиятельство, — осторожно сказал мой камердинер, немолодой гоблин по имени Шмыг, наблюдая за тем, как я отбрасываю в сторону восьмой по счёту камзол, — вы так изо-мнёте всю ткань.

— Я не могу найти то, что нужно, — простонал я, стоя перед зеркалом в одних штанах и с растрёпанными волосами. — Она видела меня в мундире. В боевом костюме. В забрызганном болотной жижей плаще. Но сегодня... сегодня я должен выглядеть по-другому.

— По-другому — это как?

— Не знаю. Естественно. И при этом сногшибательно. Чтобы она забыла, что я чешуйчатый зануда.

Шмыг задумчиво почесал длинный нос.

— Сэр, вы всегда чешуйчатый. Это не скроешь. Но, может, ей нравятся чешуйчатые?

— Она сказала, что я неинтересен.

— Женщины часто говорят не то, что думают, — философски заметил гоблин. — Моя жена, царствие ей небесное, тридцать лет твердила, что ненавидит мои уши. А когда умерла, я нашёл её дневник. Знаете, что она там написала? «Люблю его дурацкие уши. Терпеть не могу, когда он их прячет под шляпой».

Я замер.

— Ты хочешь сказать, что мне нужно показать уши?

— Я хочу сказать, что вам нужно показать себя. Настоящего. А не того лорда с парадного портрета.

Я посмотрел на себя в зеркало. Настоящий — это какой? Усталый, с мешками под глазами после бессонных ночей, с чешуёй, которая вылезает на скулах, когда я волнуюсь (а я волновался, как мальчишка на первом свидании). Настоящий — это который три часа выбирает камзол, потому что ему плевать на камзол, ему плевать на ужин, ему плевать на всё, кроме неё.

— Ладно, — сказал я. — Надевай тот, зелёный. Без вышивки. И галстук не надо. Я задуюсь.

Шмыг одобрительно кивнул.

В ресторан я пришёл за пятнадцать минут до назначенного времени. «Золотая чешуя» — место, которое мне посоветовала Адэль. «Там тихо, темно, и никто не пялится, — сказала она. — Идеально для первого свидания с женщиной, которая убьёт тебя, если что-то пойдёт не так».

Спасибо, Адэль. Очень обнадеживающе.

Я занял столик у окна. Вид на ночной Сапфировый квартал — горящие фонари, шпили храмов, вдали силуэт Аметистового замка.. Я заказал бутылку рубинового вина — не самого дорогого, чтобы не выглядеть выскочкой, но и не самого дешёвого, чтобы не выглядеть жмотом. Потом перезаказал на изумрудное — вдруг она не любит рубиновое? Потом снова на рубиновое, потому что изумрудное, говорят, кислит. Официант — молодой эльф с идеальной причёской — смотрел на меня с выражением глубокого сочувствия.

— Господин, может, вы сначала дождётесь даму?

— Нет, мне нужно подготовиться — отрезал я.

Она опаздывала. Десять минут. Пятнадцать. Двадцать. Я уже начал прокручивать в голове варианты: её задержали на работе, её похитили, она передумала, она никогда и не собиралась приходить, она просто хотела надо мной посмеяться... В двадцать пятую минуту двери ресторана распахнулись, и вошла Валерия Флинт.

Я забыл, как дышать.

Это была не та Валерия, которую я видел в бою — в куртке с нашивками, с парализатором на поясе и вечно недовольным выражением лица. Это была... женщина. Настоящая, невероятная, сногсшибательная женщина в платье. Облегающем платье цвета тёмного золота, которое струилось по её фигуре, подчёркивая каждый изгиб. Декольте — не вызывающее, но достаточно глубокое, чтобы у меня пересохло во рту. Волосы — распущены, платиновой волной спадают на плечи. И глаза — золотые, горящие, с лёгкой тенью смущения, которую она, кажется, пыталась спрятать за привычным высокомерным выражением.

Но самое главное — на ней были туфли. На шпильках. Боже всемогущий, на шпильках.

Она шла к моему столику, и каждый шаг был маленькой победой над гравитацией. Я видел, как она слегка пошатывается — то ли от волнения, то ли от непривычки к такой обуви. Её пальцы сжимали маленькую сумочку — серебристую, под стать моему камзолу.

Когда она остановилась напротив, я поднялся. Слишком резко. Чуть не опрокинул стул. И, кажется, сказал что-то умное, вроде:

— Ты... это... ты пришла.

— Я обещала, — ответила она, и её голос прозвучал чуть хрипло. — Ты заказал что-нибудь? Или мы будем стоять весь вечер?

— Садись, садись, — я отодвинул ей стул. Она села, и платье... ох, платье сделало нечто такое, отчего мой дракон внутри начал биться о рёбра. Я быстро сел напротив, спрятав лицо за меню.

— Ты краснеешь, — заметила она.

— Я не краснею. Это отражение от скатерти.

— Скатерть зелёная.

— Значит, это моя чешуя так блестит. Ты отлично выглядишь.

Она отвела взгляд. Я заметил, как её пальцы нервно теребят край салфетки.

— Спасибо. Это платье... я его никогда не надевала. Оно осталось с выпускного в Академии.

— Оно прекрасно. Ты прекрасна.

— Не говори банальностей.

— Это не банальность. Это факт. Ты прекрасна, Валерия. И твоё платье прекрасно. И твои туфли. И твои волосы. И твои глаза. И...

— Торвальд, — перебила она, и в её голосе послышалось что-то похожее на панику. — Если ты перечислишь все части моего тела, я уйду.

— Тогда я замолкаю. Но считай, что я мысленно перечислил. И каждую часть мысленно похвалил.

Она фыркнула. Но уголки её губ дрогнули.

Официант принёс меню. Я заказал вино — все таки рубиновое, — и мы уставились в карточки, делая вид, что нас безумно интересуют закуски. На самом деле я не видел ни строчки. Я видел только её.

— Что будешь? — спросил я, чтобы нарушить тишину.

— Не знаю. Я не привыкла к таким местам.

— Каким — «таким»?

— Дорогим, — она поморщилась. — Где еду приносят на блюдах, а не в контейнерах. Где официанты раскланиваются, а не швыряют заказ на стойку.

— Это плохо?

— Нет. Просто непривычно.

Я захлопнул меню.

— Тогда закажи что-нибудь, что ты любишь. Даже если ты захочешь, то это будет «что-то в контейнере». Я попрошу шеф-повара.

— Ты не можешь просить шеф-повара приготовить еду из контейнера.

— Я лорд Изумрудного рода. Я могу попросить шеф-повара приготовить мою туфлю, если захочу.

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Потом улыбнулась. Не насмешливо, не снисходительно — по-настоящему. И от этой улыбки у меня внутри всё перевернулось.

— Ты дурак, — сказала она.

— Спасибо. Это лучший комплимент, который я слышал от тебя.

Мы заказали. Я — утку по-рубиновски (не спрашивайте, это драконья кухня, лучше не знать), она — что-то нейтральное, с овощами, и, кажется, суп. Я налил ей бокал, себе — и мы чокнулись.

— За что? — спросила она.

— За то, что ты согласилась. И за то, что не послала меня в болото с пиявками. Хотя, возможно, ещё пошлешь.

Она сделала глоток.

— Хорошее вино.

— Я старался.

И тут случилось первое нелепое происшествие.

Я тянулся за хлебом — обычный хлеб, лежал в плетёной корзинке на середине стола, — и случайно задел локтем бокал. Красное вино — драгоценное рубиновое вино, стоившее, наверное, месячного жалованья гвардейца, — выплеснулось прямо на скатерть. И на её платье.

— Ох, — сказал я.

— Ох, — повторила она, глядя на тёмно-красное пятно, расплзающееся по золотистой ткани на её бедре.

Я замер. Мой дракон внутри испуганно прижал уши. В голове пронеслась паническая мысль: Она сейчас встанет и уйдёт. Или пристрелит меня. Или сначала пристрелит, потом уйдёт.

— Я... сейчас... — я схватил салфетку и потянулся к ней.

— Не надо! — она отшатнулась. — Ты только размажешь!

Глава 6. Итог конфуза

Глава 6. Итог конфуза

— Но я...

— Сядь, Торвальд. Сядь и не делай хуже.

Я сел. Официант подбежал мгновенно, с каким-то чудо-пятновыводителем. Валерия отмахнулась от него. Её щёки пылали.

— Это платье, — процедила она сквозь зубы, — я его никогда не надевала. Оно лежало в шкафу двенадцать лет.

— Прости.

— Я специально выбрала его. Думала, будет уместно. А ты...

— Я не специально.

— Я знаю, что не специально! — она выдохнула, провела рукой по лицу. — Ладно. Чёрт с ним, с платьем. Вино не вывести, но хотя бы не отравит. Продолжим.

Она улыбнулась. Нервно, натянуто, но всё же улыбнулась.

Я выдохнул.

Второе происшествие случилось, когда принесли еду. Утка по-рубиновски оказалась... яркой. Очень яркой. Красное мясо, красный соус, красный гарнир — даже картофель был какой-то бордовый. Она посмотрела на мою тарелку с выражением человека, который увидел инопланетный артефакт.

— Это еда?

— Драконья кухня. Не бойся, она не кусается.

— Она выглядит так, будто сама кого-то укусила.

Я засмеялся. Она взяла вилку, наклонилась — и тут её туфля, проклятая шпилька, скользнула по гладкому полу. Валерия дёрнулась, вилка вылетела из руки, описала дугу и приземлилась... прямо в суп. Официанта, который проходил мимо.

Суп был горячим. Официант — молодой эльф с идеальной причёской — взвизгнул. Суп разлился по его белоснежной рубашке. Тарелка с грохотом упала на пол.

Я закрыл лицо руками.

— Я сейчас умру, — прошептал я.

— Не ты один, — ответила Валерия.

Эльф, к его чести, отнёсся к происшествию с поистине драконьим самообладанием. Он поклонился, пробормотал «ничего страшного, леди, я сейчас принесу новый суп» и удалился, оставляя за собой мокрый след.

Мы остались вдвоём в повисшей тишине.

— Знаешь, — сказала Валерия, и её голос дрожал от сдерживаемого смеха, — я думала, что наш ужин будет провалом. Но не ожидала, что настолько эпичным.

— Я тоже, — признался я. — Я планировал быть галантным и остроумным. Вместо этого я облил тебя вином и заставил официанта нырять в суп.

— Ты не заставил. Это я его заставила. Моя туфля.

— Твоя туфля идеальна. Как и всё остальное.

Она фыркнула. Потом прыснула. А потом засмеялась — громко, в голос, не стесняясь, откинувшись на спинку стула. Я смотрел на неё, на её смеющееся лицо, на золотые глаза, которые вдруг стали мягкими и тёплыми, и чувствовал, как внутри распускается что-то огромное, зелёное, весеннее.

— Ты прекрасна, когда смеёшься, — сказал я.

Она резко оборвала смех. Посмотрела на меня. Покраснела.

— Не говори таких вещей.

— Почему?

— Потому что я не знаю, как на них реагировать.

— А ты не реагируй. Просто прими.

Она отвернулась к окну. Я видел, как дрожит её рука, сжимающая бокал.

— Ты странный, Торвальд, — тихо сказала она. — Не такой, как другие.

— Это плохо?

— Не знаю. Ещё не решила.

Оставшаяся часть ужина прошла на удивление спокойно. Нам принесли новый суп. Я аккуратно ел свою утку, стараясь не облиться. Валерия даже съела половину порции — и, кажется, ей понравилось. Мы говорили о всякой ерунде: о погоде в драконьем мире (скучно), о последних новостях в Патруле (тоже скучно, но она оживлялась), о том, как Шредер, биомеха-

нический кот Лайры, научился открывать холодильник и теперь ворует колбасу. Она смеялась. Я смотрел. И мне казалось, что это самый лучший вечер в моей жизни.

Когда мы вышли из ресторана, уже стемнело. Фонари горели мягким голубоватым светом, отражаясь в лужах после недавнего дождя. Валерия шла рядом — пошатываясь на своих шпильках, но стараясь держать спину прямо.

— Можно проводить тебя? Я могу понести — спросил я.

— Я на своих ногах.

— Ты еле идёшь.

— Это не я, это туфли. Они прокляты.

Я протянул ей руку. Она посмотрела на неё, потом на меня.

— Я не возьму тебя за руку.

— Почему?

— Потому что тогда я не смогу притворяться, что это просто деловой ужин.

— А это не деловой ужин.

— Знаю. Только нести меня не надо.

И она взяла меня за руку, с опаской, осторожно. Её пальцы были прохладными, но не ледяными — скорее, живыми, пульсирующими. Мои пальцы сомкнулись вокруг её ладони, и я почувствовал, как внутри что-то щёлкает.

— Твоя чешуя светится, — заметила она.

Мы дошли до её дома — маленькой квартирке в Межмировом секторе, не такой убогой, но и не такой роскошной, как мои покои. Она остановилась у двери, достала ключ и замерла.

— Спасибо за вечер, — сказала она, не оборачиваясь. — Было... не так ужасно, как могло быть.

— Я старался.

Она повернулась. Её золотые глаза в полумраке казались почти чёрными — но не холодными, а глубокими, как ночное небо. Она смотрела на меня несколько секунд, и я видел, как она борется сама с собой. Что-то происходит. Что-то важное.

— Торвальд, — тихо сказала она.

— Да?

— Я... — она замялась, потом шагнула ко мне. — Не двигайся.

Она приподнялась на цыпочках — шпильки, чёрт бы их побрал, — и поцеловала меня. Нежно. Скромно. Едва касаясь губами моих губ. Всего на секунду. А потом отстранилась и опустила обратно.

Я стоял, как громом поражённый. Мои губы горели. Сердце колотилось где-то в горле. Дракон внутри меня радостно вопил и бил хвостом.

— Это был... — начал я.

— Молчи, — перебила она, и её щёки пылали даже в темноте. — Это, наверное, была ошибка. Я не должна была.

— Тогда повтори. Чтобы убедиться.

— Торвальд!

Она толкнула меня в грудь — без силы, скорее, чтобы отстраниться. Я не сдвинулся. Я стоял, глядя на неё, и улыбался так, как не улыбался, наверное, никогда в жизни.

— Ты меня поцеловала, — сказал я. — Ты, стерва редкостная, мужиков на завтрак едящая, поцеловала меня.

— Я сказала — молчи!

— Я счастлив. Я, Торвальд Изумрудный, счастлив как никогда в жизни.

Она развернулась, быстро открыла дверь и шагнула внутрь. На пороге замерла.

— Спокойной ночи, — бросила она через плечо.

— Спокойной ночи.

— И не смей рассказывать Лайре. Или Адэль. Или кому-либо. Или я тебя убью.

— Никому. Обещаю.

Дверь захлопнулась. Я остался стоять, глядя на тёмную дверь, и улыбался как идиот.

Я шёл до своей квартиры сорок минут — потому что не хотел пользоваться порталом, хотел продлить это чувство. Ветер обдувал лицо, звёзды мерцали над головой, и где-то вдалеке пели драконьи гимны. Всё было правильно. Всё было хорошо.

Я лёг в постель и долго смотрел в потолок, прокручивая в голове этот поцелуй. Одно мгновение. Одна секунда. Которая изменила всё.

— Спокойной ночи, Валерия, — прошептал я в темноту.

И закрыл глаза.

Глава 7. Тайны и контракты

Глава 7. Тайны и контракты

Валерия

На следующее утро после поцелуя я проснулась с чётким планом: сделать вид, что ничего не было. Ни ужина, ни вина на платье (которое, кстати, я всё-таки отдала в химчистку, надеясь на чудо), ни этого проклятого дракона с его изумрудными глазами.

Я даже составила список пунктов:

1. Не думать о Торвальде.
2. Не пересекаться с Торвальдом.
3. В случае случайной встречи — сделать ледяное лицо и пройти мимо.
4. Ни в коем случае не вспоминать, как мои губы коснулись его губ.
5. Пункт 4 зачёркнут, не вспоминать пункт 4.

План продержался ровно до одиннадцати утра.

Я сидела в своём кабинете, разбирая отчёты по незаконным модификациям сознания (скучно, стандартно, полтора земных года расследований), когда в дверь постучали. Негромко, но настойчиво. Я сказала «Войдите», не поднимая головы, и продолжила читать.

— Привет, — раздался голос, от которого у меня внутри всё перевернулось.

Я медленно подняла глаза. Торвальд стоял в дверях, одетый в обычный тёмно-зелёный камзол (без вычурностей, но сидело идеально), и держал в руках... букет. Не драконьих цветов, не магических светящихся растений — обычных полевых ромашек. В газетной обёртке.

— Ты что здесь делаешь? — спросила я ледяным тоном, хотя сердце уже ухнуло куда-то в пятки.

— Пришёл сказать, что вчерашний вечер был прекрасным, — он шагнул внутрь и положил букет на край моего стола, прямо на отчёт о незаконных модификациях. — И принёс тебе цветы. Полевые. Я сам их собирал, между прочим. В Нефритовых лугах. Там сейчас такое разнотравье...

— Торвальд, — перебила я, стараясь не смотреть на ромашки. — Давай договоримся, что это был просто ужин. Не более.

— Ты поцеловала меня.

— Я ошиблась.

— Дважды за вечер? Ты сначала поцеловала, потом сказала, что ошиблась. Ошибка — это один раз. Два — это закономерность.

— Это была закономерная ошибка, — отрезала я, но голос предательски дрогнул.

Он улыбнулся. Широко, открыто, и от этой улыбки у меня пересохло во рту.

— Валерия, — тихо сказал он. — Ты мне нравишься. И я не собираюсь делать вид, что ничего не было. Но если ты хочешь, чтобы мы никому не говорили — я согласен. Пусть это будет нашим секретом.

Я смотрела на него и чувствовала, как рушатся все мои защитные барьеры, один за другим. Этот дракон был хуже любой магии. Он действовал не силой, не хитростью — он действовал простотой. Искренностью. И этими дурацкими ромашками.

— Хорошо, — услышала я свой голос. — Тайно. Никто не узнает.

— Никто, — согласился он.

— Если ты кому-нибудь расскажешь, я придушу тебя во сне.

— Договорились.

Он развернулся и вышел из кабинета, оставив меня наедине с букетом ромашек и отчётом, который теперь был весь в пыли. Я смотрела на цветы и чувствовала, как уголки губ сами собой ползут вверх.

— Чёрт, — прошептала я. — Чёрт, чёрт, чёрт.

И спрятала ромашки в ящик стола, под замок.

Первые две недели наших тайных встреч были похожи на шпионский роман.

Мы встречались в неожиданных местах: в заброшенных порталных залах, на крышах магических башен, в маленьких кафе на границе миров, где никто не знал ни драконьих лордов, ни оперативников Патруля. Я приходила первой, проверяла, нет ли «хвоста» (параноя — моё второе имя), он появлялся через пять минут, и мы просто... были вместе.

Сначала я пыталась держать дистанцию. Сидела напротив, а не рядом. Не смотрела в глаза. Отвечала односложно. Но он был неумолим — каждый раз приближался чуть ближе, каждый раз находил повод коснуться моей руки, каждый раз говорил что-то такое, отчего я забывала, зачем я здесь и почему должна его ненавидеть.

— Ты сегодня устала, — заметил он однажды, когда мы сидели в «Дырявом Котле» — так себе забегаловка на нижнем уровне Арканиса, где подавали отвратительный кофе, но зато никто не пилился.

— Я всегда уставшая, — ответила я, делая глоток этой бурды. — Это моё нормальное состояние.

— Твоё нормальное состояние — быть на взводе, контролировать всё вокруг и никому не доверять, — он спокойно посмотрел на меня. — Я прав?

— Ты в психологи заделался?

— Я дракон. Мы чувствуем такие вещи.

Я замолчала. Он был прав. Я действительно не доверяла никому. И ему — в том числе. Но с каждой нашей встречей этот недоверие давало трещину.

— Расскажи мне что-нибудь, — попросил он. — Что-то, что ты никому не рассказывала.

— Зачем?

— Хочется узнать тебя поближе. Настоящую.

Я сжала кружку так, что она чуть не треснула. Настоящую. Ту самую, с косичками и добрыми глазами? Ту, что умерла много лет назад на пустыре, под снегом?

— Я была другой, — сказала я наконец. — Раньше. Я верила в людей.

— А теперь?

— Теперь я знаю, что люди — дерьмо. Кроме нескольких исключений.

— Я вхожу в исключения?

— Пока нет.

Он не обиделся. Он улыбнулся и сказал:

— Тогда я постараюсь.

И от этих слов у меня защипало в глазах.

Время шло. Мы встречались уже почти месяц. Я привыкла к его присутствию — к его голосу, к его запаху (лес, зелень, что-то свежее, как после дождя), к его манере говорить «ты прекрасна» каждые пятнадцать минут. Я даже начала отвечать — не комплиментами, нет, но хотя бы не посылала его в болото.

Однажды он показал мне свой любимый сад. Не парадный, не тот, что в Нефритовых горах, а маленький, заброшенный, на задворках Изумрудного дворца. Там росли дикие розы, и пахло так, как пахло в моём детстве — как будто мамиными пирогами, хотя пирогов, конечно, не было.

— Ты часто сюда приходишь? — спросила я, присаживаясь на старую каменную скамью.

— Когда грустно, — признался он. — Или когда нужно подумать. Это моё место силы.

— А теперь ты привёл меня.

— Теперь я привёл тебя.

Он сел рядом, вплотную. Я чувствовала тепло его плеча через тонкую ткань рубашки.

— Торвальд, — сказала я.

— М?

— Мы слишком быстро движемся.

— Позволь возразить. Мы вообще не движемся, — сказал он. — Мы сидим на скамье.

— Ты понял, о чём я.

Он повернулся ко мне. Его глаза — изумрудные, глубокие — смотрели серьёзно.

— Валерия, я не тороплю тебя. Я просто... хочу быть рядом. Сколько понадобится. Год, два, десять. Я никуда не уйду.

— Ты не можешь это обещать.

— Могу. И обещаю.

У меня внутри что-то оборвалось. От того, что он говорил это так просто, так легко, будто ничего другого и быть не могло.

Я хотела ответить — резко, колко, поставить его на место. Но вместо этого я...

— Спасибо, — сказала я. Тихо. Почти шёпотом.

Он улыбнулся и накрыл мою ладонь своей.

— Всегда пожалуйста.

Мы сидели в саду до темноты, глядя на звёзды, которые зажигались одна за другой в драконьем небе. Я позволила себе расслабиться. Всего на несколько часов. Но это было лучшее время за долгие годы.

Идиллия кончилась, когда в Патруль поступил новый сигнал.

Я как раз собиралась на очередное тайное свидание — сегодня мы договорились встретиться в архиве Нефритовых, где Торвальд хотел показать мне древние карты, — когда на планшет пришло экстренное сообщение от Грегора.

«Флинт, срочно в отдел. Найдена аномалия, связанная с артефактами. Твоя специализация».

Я выругалась сквозь зубы, отменила встречу (коротким сообщением: «Отбой. Работа») и помчалась в Офис.

В конференц-зале уже собрались. Грегор стоял у голографической карты, рядом с ним — двое аналитиков, которых я не знала, и... Торвальд.

— А он здесь зачем? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Лорд Изумрудный обнаружил аномалию во время разведывательного вылета, — объяснил Грегор. — Его отряд патрулировал южные рубежи, и они засекли магический всплеск в старом храме. Том самом, где вы нашли ту табличку.

Торвальд посмотрел на меня. На долю секунды в его глазах мелькнуло что-то тёплое — но тут же скрылось за маской официального нейтралитета.

— Табличка, которую мы нашли, содержит не просто пророчество, — сказал он. — Это координаты. Храм был построен не случайно. Под ним находится подземелье, где, судя по всему, скрыт ещё один артефакт. Вам нужно проверить все.

— Артефакт? — переспросила я.

— Именно, — кивнул Грегор. — Поэтому вы пойдёте вдвоём. Ты, Флинт, как специалист по артефактам, и лорд Торвальд — как владелец изумрудного пламени. По нашим данным, только изумрудные драконы могут нейтрализовать защитные чары, которыми опечатано подземелье.

— А другие рода?

— Не подходят, — отрезал Грегор. — Это написано в расшифровке. Что-то про «кровь леса» и «глаз земли».

Я бросила взгляд на Торвальда. Он стоял с непроницаемым лицом, но я видела, как его чешуя на скулах слегка потемнела — признак волнения.

— Когда вылет? — спросила я.

— Завтра на рассвете. Подготовьтесь.

Совещание закончилось. Все разошлись. В коридоре Торвальд догнал меня и тихо сказал:

— Нам нужно поговорить.

— Не здесь.

— Тогда в обычном месте.

Я кивнула и ускорила шаг.

Мы встретились через час в «Дырявом Котле». Заведение было почти пустым — только пара техномагов в углу пили что-то дымящееся и не обращали на нас внимания.

— Это задание, — сказал Торвальд, когда мы сели за столик, — может быть опасным.

— Все задания опасны, — ответила я. — Я не ребёнок.

— Я не об этом. Я о том, что мы будем вдвоём. Вдали от всех. Без прикрытия. И нам придётся... работать вместе.

— Мы уже работали вместе. В Изломе. И ничего страшного не случилось.

— Тогда я не знал, что ты мне нравишься, — тихо сказал он. — А теперь знаю. И боюсь, что во время задания я буду думать не о безопасности, а о тебе.

Я замолчала. Он был прав. Я тоже боялась. Не за себя — за него. За этого дурацкого дракона, который слишком много улыбается и слишком много говорит комплиментов.

— Тогда договоримся, — сказала я. — На задании мы — профессионалы. Никаких нежностей, никаких намёков. Только работа. А после задания — вернёмся к... нашему.

— К нашему?

— К нашим тайным встречам.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Потом кивнул.

— Договорились. Профессионалы.

— Профессионалы.

Мы сидели молча, и я чувствовала, как между нами натянулась невидимая нить. Завтра мы отправимся в подземелье, полное ловушек, древней магии. А сегодня у нас есть этот вечер. И я хотела провести его не в «профессиональном» режиме.

— Торвальд, — сказала я.

— М?

— Обними меня.

Он удивился. Я сама удивилась своим словам. Но он не стал спрашивать «почему» или «зачем». Он просто протянул руки и притянул меня к себе. Я уткнулась носом в его плечо, вдыхая запах леса и зелени, и почувствовала, как напряжение уходит.

— С тобой всё будет хорошо, — прошептал он. — Я обещаю.

— Ты не можешь этого обещать.

— Могу.

Я фыркнула, но не отстранилась. Мы сидели так долго — пока в «Дырявом Котле» не зажгли свет, пока последние техномаги не ушли, пока официант не начал деликатно кашлять, намекая, что заведение закрывается.

— Пора, — сказала я.

— Пора, — согласился он.

Мы вышли на улицу. Ночной Арканис гудел неонами и голографической рекламой. Я посмотрела на Торвальда — на его серьёзное лицо, на чешую, поблёскивающую в свете фонарей, на его руки, которые всё ещё держали меня за плечи.

— Завтра в семь утра у портала, — сказала я.

— Буду.

Я развернулась и пошла к своей квартире. И только когда скрылась за углом, позволила себе улыбнуться. Широко, по-детски, как в те времена, когда драконы были добрыми, а я — счастливой.

— Спокойной ночи, Торвальд, — прошептала я в темноту.

И где-то далеко, я знала, он услышал.

Дома я не спала. Сидела на кухне, пила кофе (уже третий за ночь) и перебирала снаряжение. Парализатор, обсидиановый нож, несколько артефактов для нейтрализации магии, аптечка, запасные батареи. Всё, как обычно.

Но в голове крутилось не задание. В голове крутился он.

Я достала из шкатулки мамину фотографию и долго смотрела на неё.

— Мама, — сказала я. — Я, кажется, влипла. Этот дракон... он хороший. Слишком хороший для меня. И я не знаю, что с этим делать.

Фотография молчала. Но я знала, что мама улыбнулась бы. Она всегда улыбалась, когда я говорила о ком-то, кто делал меня счастливой.

Я убрала фото, допила кофе и легла в постель, глядя в потолок.

Глава 8. Кровь и табличка

Глава 8. Кровь и табличка

Торвальд

Когда я был с Валерией, я был счастлив. Не важно, на задании, по какому-то поручению или когда мы просто с ней тайно встречались. Но меня не покидали мысли о моей кузине. Эстель. Наш с ней давний разговор, когда я ввалился к ней в спальню, без предварительного приглашения, сообщив только одной служанке.

Это было невежливо. Более того — по меркам Изумрудного рода, где каждый жест был выверен веками этикета, это было вопиющим нарушением всех мыслимых приличий. Но мне было плевать. Тогда я только что выбрался из болот Дельты, где три дня подряд копался в руинах древнего храма, и моя одежда была покрыта слоем зелёной слизи, волосы слиплись от пота и дождя, а на лице красовалась свежая царапина — подарок от ожившей магической ловушки. Я выглядел так, будто меня пережевали и выплюнули. И единственное, что меня волновало в этот момент, — это моя кузина, которую отец собрался продать Рубиновому.

— Ты выглядишь дерьмово.

— Спасибо за комплимент. Ты тоже не модель для обложки.

Она сидела в кресле у окна, поджав ноги, в шёлковом халате изумрудного цвета, распахнутым на груди. Её волосы — тёмные, почти чёрные, с изумрудными прядями, — были распущены и падали на плечи водопадом. Лицо бледное, под глазами тени. Она не спала. Наверное, уже несколько ночей.

— Я хотя бы знаю, почему я выгляжу как дерьмо, — ответил я — Я три дня копался в руинах болота. А ты что делала?

— Занималась самокопанием. Это грязная работа.

— Самокопание в шёлковом халате? Выглядит утомительно.

Мои сапоги оставили грязные следы на ковре. Эстель не сказала ни слова, значит, она действительно была подавлена.

— Я пришёл не сплетничать. У меня есть кое-что.

Я полез в карман своего пыльного костюма и достал маленький голографический проектор. Эстель подняла бровь, но ничего не сказала. Я активировал устройство, и в воздухе между нами развернулось изображение каменной таблички с древними рунами, грубо вырезанными в тёмном базальте.

— Что это? — спросила она, подаваясь вперёд.

— То, что я нашёл на раскопках в Дельте. Мы с Валерией Флинт работали над зачисткой остатков последователей Ксавьера, и я наткнулся на это в руинах храма. Табличке около пяти-сот лет. Руны — на диалекте Арканиса-Прайм.

При упоминании Валерии я заметил, как уголок губ Эстель дрогнул. Она знала. Конечно, знала — слухи в нашем роду распространялись быстрее магической чумы. О том, что я бегаю за агентом Межмирья как влюблённый щенок, уже шептались в коридорах. Мне было плевать. Но сейчас не об этом.

— Та самая Валерия Флинт? — переспросила Эстель с лёгкой усмешкой. — Та, с которой ты...

— Это не важно сейчас, — перебил я. — Важно то, что здесь написано.

Я увеличил изображение, и Эстель взгляделась в руны. Я уже вывел перевод на современный драконий рядом с оригиналом:

«Когда адамантий встретит изумруд, спящая кровь пробудится.»

Она перечитала дважды. Трижды. Её лицо, и без того бледное, стало почти белым.

— «Адамантий встретит изумруд», — прошептала она. — Это про...

— Что значит «спящая кровь пробудится»? Какая кровь?

— Я не знаю. Мы с Валерией передали табличку в Межмирье. Их аналитики сейчас работают над полным переводом и поиском параллелей в других источниках. Но, — я помолчал, потирая подбородок, — у меня есть гипотеза.

— Какая?

— Ты когда-нибудь слышала легенду о Первых Драконах?

Она нахмурилась. Что-то смутное шевельнулось в её глазах — воспоминания о детстве, о сказках, которые нам рассказывала няня.

— Это миф, — сказала она. — Сказки для детей. Будто бы первые драконы были не такими, как мы, — огромными, бессмертными, способными менять реальность силой мысли. Но их время прошло, и их кровь рассеялась.

— Не рассеялась, — возразил я. — Она осталась в родах. В дремлющем состоянии. И некоторые учёные считают, что она может пробудиться при определённых условиях.

— Например, при союзе двух истинных из родов, которые никогда не смешивались?

— Именно.

Я увидел ее метку.

Я смотрел на Эстель, и в голове проносились воспоминания. Как мы играли в садах Изумрудного дворца, когда были маленькими. Она всегда была серьёзной, даже тогда — семилетняя девочка с косичками и взрослым взглядом. Я, на два года старше, таскал её на закорках, учил лазать по деревьям, показывал секретные ходы в замке. Мы были неразлучны до того момента, как её отправили в Академию, а меня — на военную службу. А потом она стала «ледяной принцессой», а я — изумрудным лордом, который предпочитал болота и раскопки дипломатическим приёмам.

Но я помнил её смех. Помнил, как она, маленькая, заявила отцу, что выйдет замуж только за того, кто будет смотреть на неё как на чудо, а не как на политический актив. Отец тогда рассмеялся и сказал: «Ты ещё ребёнок». А она посмотрела на него с такой взрослой серьёзностью, что даже я, глупый мальчишка, понял: она не шутит.

Теперь ей предстояло выйти за Рубинового. Старого, жестокого, которого на тот момент подозревали в убийстве трёх жён, но доказательств не было. И никто во всём Совете — даже мой собственный отец — не собирался ей помогать. Потому что это было «ради блага рода».

— Ты не выйдешь за него, — сказал я, глядя ей в глаза. Ее метка была на руке. Она призналась, рассказала про алмазную вору.

— Торвальд...

— Нет. — Я подался вперёд, и моя чешуя на скулах проявившись потемнела — признак того, что дракон внутри меня закипает. — Ты не выйдешь за этого старого козла.

— Ты не можешь решать за меня.

— Я не решаю. Я говорю тебе, что есть другие варианты. Корвин. Этот вор. Твоя истинная пара. Метка не врёт.

— Метка, — она горько усмехнулась. — Метка не выбирает удобных партнёров. Она выбрала мне вора.

— И что ты чувствуешь, когда думаешь о нём?

Она молчала. Я видел, как её пальцы сжимают край кресла, как чешуя на висках едва заметно пульсирует.

— Не знаю, — сказала она наконец. — Страх. Надежду. Злость. И ещё... — она запнулась.

— Тогда почему ты здесь? Почему не с ним?

Я откинулся на спинку кресла и посмотрел в окно. За стёклами сад Изумрудного дворца купался в лучах заката. Розы, которые посадила моя тётя — мать Эстель, — цвели красным и белым. Она умерла, когда Эстель было пятьдесят. Я помнил её смутно: тёплая улыбка, запах ванили. Эстель тогда не плакала на похоронах. Стояла с каменным лицом, и я, семидесятилетний юнец по драконьим меркам, держал её за руку и чувствовал, как дрожат её пальцы.

— Ты помнишь, как мы играли в саду? — спросил я тихо. — Ты была маленькой, верила в любовь и сказки.

— Я верила в сказки, — ответила она. — В рыцарей, которые спасают принцесс. В любовь с первого взгляда.

— А теперь?

— Теперь я знаю, что рыцари могут быть ворами, а любовь с первого взгляда — это магия крови.

— Это не магия, Эстель. — Я посмотрел на неё. — Это ты. Твои чувства. Метка только их проявляет, но не создаёт.

Она повернулась ко мне. Её глаза блестели — не от слёз, от решимости.

— Помоги мне, — сказала она. — Помоги мне уйти.

Мы проговорили ещё час. Она рассказала мне, что Корвин предлагал ей месяц — уйти с ним, пожить в Нижних кварталах. Она отказалась тогда — из страха, из гордости, из того, что она называла «долгом». Теперь она была готова.

— Ты уверена? — спросил я в сотый раз.

— Более чем. — Я заставил взять с тумбочки «Слезу Изумруда» — каплевидный камень, пульсирующий изумрудным светом, — и спрятать во внутренний карман. — я не могу остаться здесь.

— Я помогу тебе выбраться из дворца. Но дальше — сама. Если я пойду с тобой, меня заметят. Изумрудного дракона в Нижних кварталах видно за милю.

— Я знаю.

— И ещё... — я замялся. — Осторожнее там. Нижние кварталы — не твоя спальня. Люди там другие. Они не будут кланяться и называть тебя «леди». Могут и ограбить, если увидят, что ты не местная.

— Я справлюсь, — ответила она с той же сталью в голосе, которая всегда меня восхищала.

Я проводил её до Нижних и направился к порталу, который должен был перенести меня на границу. В коридоре я остановился, прислонился к стене и закрыл глаза. Передо мной встало лицо Валерии — её золотые глаза, платиновые волосы, её усмешка, от которой у меня подкашивались колени.

Она была моей любимой. Даже без метки. Я знал это с того самого момента, как увидел её в Изломе — когда она влетела в зал через пролом в стене, с резонансным деструктором в руках, и крикнула: «Давай, чешуйчатый!». Моё сердце пропустило удар, потом ещё один, а потом пустилось в галоп, как будто за мной гналась стая голодных варгов.

Но метки не было.

Ни тогда, ни после. Я проверял каждое утро, каждую ночь, каждый раз, когда она смеялась — а она смеялась всё чаще. Ничего. Я думал, что ошибся. Что моё чувство — просто влечение, просто страсть, просто тоска по кому-то, кто смотрит на меня не как на «лорда Изумрудного», а как на мужчину. Но каждый раз, когда я видел её, я понимал: нет. Это не ошибка. Она — моя. Я уже решил для себя: я не отпущу. Даже без метки. Даже если она никогда не появится.

«Она — моя, — думал я, глядя на пульсирующий изумрудный свет портала. — Моя истинная. И я докажу это. Ей. Себе. Всему миру».

Через несколько дней я стоял перед Советом Тринадцати.

Зал был полон. Все Верховные лорды собрались — даже те, кто редко появлялся на заседаниях. Кайдан Сапфировый с Адэль по правую руку, Нефритовый старейшина в центре, отец Эстель, лорд Изумрудный, — он сверлил меня взглядом с того самого момента, как я вошёл. Рубиновый сидел напротив, его тёмно-красные глаза горели зловещим огнём, и я чувствовал, как в нём поднимается ярость.

Я ненавидел его.

Не то чтобы я был склонен к ненависти — я всегда считал, что эмоции мешают анализу, а анализ — это моё всё. Но Рубиновый... этот старый дракон, который точно убил трёх жён (говорили, что это случайность, но чуйка мне подсказывала, что он приложил руку), который теперь собирался сделать четвёртой мою кузину, вызывал во мне такую глухую, животную злобу, что мой дракон внутри рычал каждый раз, когда я видел его лицо.

Я вспоминал, как он смотрел на Эстель на прошлом Совете — как на кусок мяса, как на вещь. Как его пальцы, униженные перстнями, сжимали подлокотник кресла, когда он говорил о «брачном контракте». Как он улыбался своей холодной, жестокой улыбкой, обсуждая, сколько рубиновых шахт перейдёт Изумрудному роду в обмен на её тело.

Я хотел вырвать ему глотку. Прямо здесь. Прямо сейчас.

Но я сдержался. Потому что у меня была другая задача.

— Лорд Торвальд Изумрудный, — голос Нефритового прозвучал как удар колокола, — вы запросили экстренное слово. Совет слушает.

Я шагнул вперёд.

— Благодарю, лорд Нефритовый. Я попросил слова, потому что у меня есть информация, которая касается всех присутствующих. — Я обвёл взглядом зал. — Информация о природе магической чумы в Нижних кварталах. И о пророчестве, которое было найдено мной и агентом Межмирового патруля Валерией Флинт в руинах храма в Дельте.

По залу пробежал шёпот. Я активировал голографический проектор и показал табличку — сначала первый фрагмент, потом второй.

«Когда адамантий встретит изумруд, спящая кровь пробудится...

...ибо Прародитель, заточённый в багряной клетке, восстанет, когда двое станут едины, и потребует вместилища. И если вместилище не будет дано, он вырвется и поглотит миры.»

Я рассказывал. О раскопках в Дельте, о древних рунах, о Первом Драконе. О метке истинности между моей кузиной и Корвином Адамантием. Обо всем.

Рубиновый побагровел. Он вскочил, закричал, что это ложь, что я не имею права, что Совет не должен слушать «жалкого изумрудного щенка». Но я не замолчал. Я говорил, и в моём голосе звенела сталь.

— Аналитики Межмирья подтвердили подлинность таблички. Возраст — около тысячи лет. Руны — диалект Первых Драконов. Вероятность подделки — менее одного процента.

— Это политическая провокация! — взревел Рубиновый. — Ты хочешь сорвать мой брак с леди Эстель!

Кайдан поднялся, и его сапфировая аура придавила всех к местам.

— Совет выслушал лорда Торвальда. — Его голос был ледяным. — Лорд Рубиновый, вам будет предоставлено слово. Но сначала я хочу услышать ответ на один вопрос.

— Какой? — процедил Рубиновый.

— Где сейчас леди Эстель?

Я встретился взглядом с отцом Эстель. Он смотрел на меня с ужасом, смешанным с яростью. Я знал, что он догадался.

— Она сбежала, — сказал я.

— Сбежала?! — Рубиновый ударил кулаком по столу так, что каменная столешница треснула. — Моя невеста сбежала?!

— Она не ваша невеста, — холодно произнёс я. — Она — истинная пара Корвина Адамантия. И судя по тому, что я знаю, сейчас она с ним. В Нижних кварталах.

— Значит, мы должны найти её, — Рубиновый обвёл зал горящим взглядом. — Мы должны вернуть её. Запереть. Не допустить, чтобы пророчество...

— Не допустить чего? — голос Лайры Вокс прозвучал как пощёчина. — Чтобы родился ребёнок, который спасёт мир?

Я смотрел на Рубинового и чувствовал, как внутри меня поднимается холодная, спокойная решимость. Моя кузина была в безопасности — насколько это вообще было возможно в Нижних кварталах. Корвин, этот проклятый вор, о котором я столько слышал, является человеком слова. И теперь они вместе.

Затем, я вспомнил, как во время битвы с Рубиновым Эстель потеряла сознание. Как её тело обмякло в руках Корвина, как изумрудный свет «Слезы» погас, и на мгновение мне показалось, что она умерла. А потом Прародитель — тот самый, о котором говорилось в пророчестве, — вселился в Валерию.

Я видел это. Золотой свет, хлынувший из Валерии, её крик, потом тишина. Я бросился к ней, но Лайра перехватила меня.

— Не трогай! — рявкнула она. — Не вмешивайся! Это одержимость!

— Какая, к чёрту, одержимость?! — я вырывался, но Рейнхарт уже держал меня за плечи. — Пустите меня! Она же...

— Она жива, — тихо сказала Лайра. — Пока жива. Но если ты прикоснёшься к ней сейчас, Прародитель может уничтожить вас обоих.

Я смотрел на Валерию — на её лицо, искажённое болью, на золотые слёзы, текущие по щекам, — и чувствовал, как мир рушится. Я не мог к ней прикоснуться. Я не мог её спасти. Я мог только стоять и смотреть, как древнее существо пожирает её изнутри.

А потом она очнулась. И в её глазах я увидел не только её — я увидел его. Прародителя. И ещё кого-то — маленького, испуганного, розового..

— Ты... — прошептал я тогда.

Глава 9. Рубиновое пламя.

Глава 9. Рубиновое пламя.

Торвальд

Она очнулась на моих руках.

Я сидел на полу разрушенного зала Багряной башни, прижимая Валерию к груди, и не чувствовал ничего, кроме её дыхания — слабого, прерывистого, но живого. За эти несколько минут, пока она была без сознания, я успел пережить всё: от ледяного ужаса до бессильной ярости, от молитв всем богам, которым никогда не поклонялся, до тихой, горькой уверенности, что мир без неё — не мир.

А потом она открыла глаза.

— Ты... — прошептал я, и мой голос сорвался. — Валерия...

— Слышу, — ответила она хрипло. — И вижу. И чувствую. И ещё... — Она поморщилась, и в её глазах мелькнуло что-то странное — не боль, скорее растерянность. — У меня в голове теперь живут двое. Древний дракон и маленькая болтливая драконица. Не спрашивай.

Я моргнул. Её слова не укладывались в голове — слишком много всего случилось за последние минуты. Прародитель, вселившийся в Валерию. Рубиновый, разрушивший клеть. Крики, свет, боль...

— Что? — выдохнул я.

— Потом объясню, — она попыталась приподняться, и я помог ей, поддерживая за плечи. — Корвин! Эстель! Дети...

— Всё в порядке, — голос Лайры донёсся откуда-то слева. — Детей вытащили. Корвин и Эстель помогают целителям. А ты... — она подошла ближе, вглядываясь в лицо Валерии. — Ты как?

— Жива, — ответила Валерия. Её глаза — всё ещё золотые, но уже с привычным серым отливом — обвели зал. — И останусь жить. Правда, теперь я, кажется, немножко дракон. Или даже дважды дракон.

Я смотрел на неё, не понимая.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Кстати, у меня для тебя две новости. — Её губы изогнулись в лёгкой усмешке — той самой, которую я так любил. — Первая: Прародитель — не злодей. Он — жертва, и всё, что мы знали о нём, — ложь Рубинового.

— А вторая? — спросил я, хотя внутри уже начало закипать что-то тёплое и тревожное.

— Вторая... — Она сделала паузу, и вдруг её глаза вспыхнули — не золотом Прародителя, а другим светом. Розовым. Мягким. Почти нежным. — Я теперь рубиновая.

Я открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Ты... у тебя в голове... розовая драконица?

— Ага. И она просит передать, что твоя изумрудная чешуя красиво блестит. Цитирую дословно.

Я не знал, смеяться мне или плакать. Валерия Флинт — агент Межмирового патруля, стерва редкостная, женщина, которая три месяца кормила меня завтраками, а потом всё-таки согласилась на ужин, — теперь делила тело с рубиновой сущностью и древним первым драконом. Это было безумно. Это было невероятно. Это было... так по-нашему.

— Ты... — начал я, но не успел договорить.

Потому что в тот момент, когда я сжал её ладонь — просто сжал, чтобы убедиться, что она реальна, что она здесь, со мной, — мир взорвался светом.

Свет хлынул из моей груди, из моей руки, из точки, где наши пальцы соприкасались. Он обжёг запястье, поднялся по предплечью, и я почувствовал, как что-то врежется в кожу — не больно, но ощутимо, как клеймо. Я опустил взгляд.

Метка.

На моём запястье горел тонкий, изящный узор — изумрудно-розовый, переливающийся, как жидкий металл. Такая же метка пульсировала на руке Валерии — там, где её пальцы всё ещё лежали в моей ладони.

— Это... — прошептал я.

— Метка истинности, — закончила она, и в её голосе не было удивления. Только тихое, почти усталое принятие.

Я не знал, что сказать. Мы столько времени встречались тайком, прятались от всего мира, делали вид, что между нами ничего серьёзного. И всё это время я знал — знал, что она моя истинная. Но метки не было. Я проверял каждое утро, каждую ночь, каждый раз, когда она смеялась — а она смеялась всё чаще. Ничего.

А теперь — здесь, в разрушенном зале, среди обломков Багряной клетки и отголосков чужой магии, она появилась.

— Ты долго, — сказал я хрипло.

— Прости, — ответила она, и это было так не похоже на Валерию — признавать свою неправоту, — что я почувствовал, как что-то внутри меня переворачивается.

— Не извиняйся. — Я притянул её к себе — осторожно, боясь, что она передумает, оттолкнёт, скажет «это метка, это не считается». Но она не оттолкнула. Она прижалась к моей груди, и я почувствовал, как её сердце бьётся в такт моему. — Ты здесь. Ты жива. И теперь ты — моя.

— Твоя, — повторила она, и в этом слове было столько всего, что я не смог сдержать улыбки.

Я поцеловал её. Прямо там, посреди хаоса, под взглядами Лайры и Рейнхарта, которые тактично отвернулись, и Корвина с Эстель, которые, кажется, даже не заметили — они были слишком заняты собственным чудом. Наши губы встретились, и этот поцелуй был совсем не похож на наш первый — робкий, торопливый, у дверей её квартиры. Он был уверенным. Твёрдым. Обещающим.

— Ладно, — раздался голос Лайры, — может, хватит? У нас тут дети в стазисе, труп Рубинового и куча нерешённых вопросов.

— Не завидуй, Вокс, — ответила Валерия, не отрываясь от меня.

— Я не завидую. Я констатирую факт.

— Ты завидуешь.

— Флинт...

— Вокс...

— Дети, — вмешался Рейнхарт, — прекратите.

Я сжал руку Валерии, и метка пульсировала в такт нашему сердцебиению.

— Я счастлив, Валерия Флинт. Моя истинная. Моя пара. Моя.

Она хотела ответить — наверное, что-то колкое, в своём духе, — но не успела. К нам подошла Эстель, бледная, уставшая, но с «Слезой» в руках и с таким выражением лица, которое я видел у неё только раз — когда она решила сбежать из дома.

— Торвальд, — сказала она, — нам нужно поговорить.

Я отпустил Валерию, но не выпустил её руку. Эстель заметила метку на моём запястье — изумрудно-розовую, пульсирующую, — и её глаза расширились.

— У вас... вы...

— Да, — ответил я. — Теперь и у нас.

— Интересная судьба, — выдохнула она, и в её голосе послышалось что-то похожее на облегчение. — Корвин, иди сюда!

Корвин, который помогал целителям выводить последних детей из стазиса, подошёл, вытирая руки о тряпицу. Увидел метку, перевёл взгляд на меня, потом на Валерию.

— Ну, — сказал он, и в его голосе прозвучала та самая ироничная нотка, которую я так ценил, — а говорили, что метка не появляется между человеком и драконом.

— Я теперь не совсем человек, — возразила Валерия. — Во мне Руби. И Аэтерис. Так что технически я — два дракона в одном. Но Аэтериса нужно переселять.

Мы вернулись в Адамантиевый дворец к утру. Дети — сорок три ребёнка из стазиса — были переданы целителям, тела погибших — опознаны, Рубиновый — мёртв. Совет собирался на экстренное заседание, но мне было плевать. Я сидел в гостиной наших покоев (да, "наших" — с этого момента официально общих), держал Валерию за руку и слушал, как она рассказывает о том, что случилось с ней в темноте.

— Аэтерис не хотел вырываться, — говорила она, сидя на диване, поджав ноги и прижимая к груди подушку. — Он хотел покоя. И вместилища. Ребёнка Эстель и Корвина.

— Это мы уже знаем, — сказал я. — Пророчество.

— Не всё. — Она посмотрела на меня, и в её глазах снова мелькнуло то самое выражение — которое я уже научился распознавать как «сейчас будет что-то важное».

— Что?!

— Тысячу лет назад, когда его только заточили, он понял, что рано или поздно клеть рухнет. И что его сущность вырвется. Чтобы этого не случилось, он создал пророчество — зашифровал его в камне и оставил в храме, зная, что рано или поздно его найдут. Он хотел, чтобы кто-то — драконы, люди, любые разумные существа — знали, как его освободить правильно.

— Он сам предсказал союз адамантия и изумруда?

— Да. Потому что только кровь двух родов, которые никогда не смешивались, могла создать вместилище, способное удержать его. Рубиновый род использовал его силу как батарею, но они не понимали — или не хотели понимать, — что Прародитель не бесконечен. Его сила истощалась. Клеть требовала всё больше жертв. И если бы не Эстель и Корвин... — она покачала головой, — через пару десятилетий Прародитель вырвался бы в любом случае. И тогда никто не смог бы его остановить.

Я молчал, переваривая услышанное.

— А Руби?

— Руби — это... — Валерия на мгновение задумалась. — Это трагедия. Её сущность принадлежала Рубиновому роду тысячу лет. Она видела всё, что они делали. Она помогала им — не потому что хотела, а потому что была привязана магией крови. Старый лорд обращался с ней как с инструментом, не как с живым существом. Она... она очень одинокая, Торвальд.

И очень молодая. По драконьим меркам — почти ребёнок. Видимо, своего старого дракона Рубиновый загубил еще раньше..

— И ты взяла её к себе.

— У меня не было выбора. Либо я принимаю Руби, либо умираю. Аэтерис сказал, что только драконья сущность может удержать его в моём теле без разрушения. И я... — она отвела взгляд, — я не хотела умирать.

— Я тоже не хотел, чтобы ты умирала— тихо сказал я.

Мы помолчали. Где-то внизу, в главном зале, гремели голоса — Совет обсуждал, что делать с Рубиновым родом, с последствиями ритуала. Но здесь, в этой комнате, был только наш собственный, тихий мир.

И тут мой дракон повел себя как предатель.

Глава 10. Зов дракона

Глава 10. Зов дракона

Торвальд

Я едва успел подумать: «Вот он, момент. Мы вместе, метка горит, она только что сказала, что я её, — и тут мой дракон повёл себя как предатель.

Не просто заурчал — это я ещё мог бы списать на нервное переутомление после битвы. Не просто потянулся к ней — это было бы объяснимо: мы оба живы, вокруг разгром, жизнь налаживается. Но, нет.

Мой дракон захотел её. Прямо здесь и сейчас.

Не так, как хотят женщину после долгих ухаживаний — с нежностью, с предвкушением, с мыслью о том, как хорошо будет, когда всё наконец случится. Не так, как хочет мужчина свою возлюбленную, смакуя каждый взгляд, каждый вздох, каждый шаг навстречу. Нет. Мой дракон захотел её так, как зверь хочет добычу. Грубо. Яростно. До дрожи в мышцах, до боли в челюстях, до такого ослепляющего, всепоглощающего желания, что у меня на мгновение потемнело в глазах.

Это было как удар под дых. Как волна жара, поднявшаяся откуда-то из глубины — не от сердца, нет, оттуда, где в моём теле жила драконья сущность, древняя, первобытная, не признающая никаких приличий. Она проснулась вместе с меткой — или метка разбудила её? — и теперь требовала, рычала, билась о рёбра, как пойманный в клетку зверь.

Возьми. Она твоя. Твоя истинная. Ты ждал. Ты заслужил. Хватит разговоров. Хватит нежностей. Просто возьми.

Я сидел на диване, прижимая Валерию к себе, и боялся пошевелиться. Боялся даже дышать слишком глубоко, потому что каждый вдох приносил её запах — тот самый, который я когда-то назвал «озоном и порохом». Но сейчас мой дракон чуял его иначе. Острее. Глубже. Под верхними нотами — запах её кожи, тёплый, чуть солоноватый, с оттенком той самой рубиновой магии, которая теперь текла в её крови. Запах женщины. Запах пары. Запах, который сводил с ума.

Мои пальцы, лежавшие на её плече, вдруг стали слишком чувствительными. Я ощущал каждую ниточку её рубашки, каждый изгиб её тела под тканью, каждое движение её мышц, когда она устраивалась поудобнее. И этого было мало. Мой дракон хотел большего. Хотел сорвать эту рубашку, разорвать зубами, если понадобится — просто чтобы добраться до её кожи. Хотел вжать её в диван, подмять под себя, накрыть своим телом, чтобы она чувствовала только меня, меня, меня...

Я зажмурился и попытался думать о чём-то отвлечённом. О Совете. О детях в стазисе. О том, что мне ещё предстоит разобрать завалы в Багряной башне и написать отчёт в Межмирье. Не помогло. Дракон внутри меня насмешливо фыркнул и послал очередную волну жара, от которой у меня пересохло во рту, а руки предательски дрогнули.

— Торвальд? — голос Валерии прозвучал как будто издалека, хотя она сидела вплотную, прижимаясь к моему боку. — Ты какой-то напряжённый.

— Я в порядке, — ответил я, и собственный голос показался мне хриплым, чужим.

— Ты врёшь. — Она чуть отстранилась и заглянула мне в лицо. Её золотые глаза — теперь с едва заметным розовым отливом, наследие Руби, — смотрели испытующе. — Что случилось?

Я открыл рот, чтобы соврать что-нибудь ещё, но не успел. Дракон внутри меня снова заурчал — на этот раз не ласково, а требовательно, голодно, — и я почувствовал, как чешуя на моих скулах начинает светиться ярче. Проклятая чешуя, которая всегда выдавала меня с головой.

— Твоя чешуя... — начала Валерия.

— Знаю, — перебил я. — Это не я. Это он.

— Кто — он?

— Мой дракон. Он... — Я запнулся. Как объяснить женщине, которая ещё вчера была человеком, что твоя внутренняя сущность только что превратилась в похотливого зверя? — Он немного вышел из-под контроля.

— В каком смысле?

Я сделал глубокий вдох. Потом ещё один. Потом отодвинулся от неё на безопасное расстояние — всего на пару дюймов, но и это далось мне с невероятным трудом. Моё тело протестовало каждой клеткой, кричало: «Ближе! Коснись! Возьми!» — но я заставил себя сидеть смирно.

— Валерия, — сказал я, и мой голос прозвучал слишком серьёзно даже для меня самого. — Метка пробудила во мне не только осознание того, что ты — моя истинная. Она пробудила инстинкты. Драконьи. Первобытные. И сейчас эти инстинкты орут мне, чтобы я немедленно, сию секунду, прямо здесь...

— Что? — она подняла бровь.

— ...овладел тобой.

В комнате повисла тишина. Я ожидал чего угодно: что она рассмеётся, что отшатнётся, что назовёт меня извращенцем и пригрозит пристрелить. Но она просто смотрела на меня — долгим, изучающим взглядом, который я никак не мог расшифровать.

— Овладел, — повторила она медленно, пробуя слово на вкус. — Прямо здесь? На диване? В чужом дворце, после битвы, когда за стеной Совет обсуждает наше будущее?

— Я же говорю — инстинкты. Им плевать на диван, на Совет и вообще на всё.

— А тебе?

— Мне не плевать. — Я сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. — Я, в отличие от моего дракона, ещё помню, что я лорд, а не животное. Но, поверь, это самая сложная борьба в моей жизни.

Она молчала. Потом вдруг усмехнулась — не весело, а скорее понимающе. И от этой усмешки у меня внутри что-то перевернулось.

— Знаешь, — сказала она, откидываясь на спинку дивана и глядя куда-то в потолок, — Руби говорит то же самое.

— Что?!

— Руби. Моя розовая драконица. Она, как только метка появилась, начала... э-э-э... транслировать.

— Транслировать что? — у меня перехватило дыхание.

— Желание. — Валерия усмехнулась. — Она, видите ли, считает, что я слишком долго тебя мучила, и теперь пора «восстановить справедливость». Её слова, не мои. Она вообще очень... прямолинейная. Говорит, что твоя чешуя пахнет лесом, что твои плечи созданы для того, чтобы я за них держалась, и что если я немедленно не позволю себе «проявить страсть», то она, Руби, устроит мне в голове такой концерт, что я пожалею, что вообще родилась.

Я слушал, и до меня медленно доходило.

— То есть ты хочешь сказать, что у тебя в голове сейчас сидит розовая драконица и уговаривает тебя заняться со мной любовью?

— Не уговаривает. Требует. — Валерия наконец посмотрела на меня, и в её глазах — рядом с золотом и розовым — плясали искры того самого пламени, которое я видел в бою. — И, честно говоря, это довольно раздражает. Потому что я, вообще-то, ещё даже не решила, хочу ли я выходить за тебя замуж, а она уже обсуждает цвет волос...

— Цвет волос ?!

— Ага, наших детей. Она говорит, что наши дети будут прекрасны. Изумрудно-розовые. С твоими глазами и моим характером. А потом начинает мурлыкать.

— Тоже мне проблема, — пробормотал я. — Мой дракон мурлыкает постоянно. Это не помогает.

— А что помогает?

— Ничего. Вообще ничего. — Я запустил пальцы в волосы и потянул, пытаюсь хоть как-то отвлечься от того факта, что она сидит рядом, такая близкая, такая тёплая, такая невозможно желанная. — Я пробовал думать о бухгалтерских отчётах. О политических дебатах. О том, как

отец Эстель орал на меня после Совета. Не работает. Каждый раз, когда я смотрю на тебя, мой дракон рычит: «Моя», — и я теряю остатки рассудка.

— И давно это? — спросила она тихо.

— Сейчас я чувствую себя мальчишкой перед первой женщиной. Мне хочется касаться тебя каждую секунду. Хочется, чтобы ты смотрела только на меня. Хочется зарычать на любого, кто приблизится к тебе ближе чем на десять шагов. Хочется... — я осёкся, потому что следующие слова были уже совсем неприличными.

Валерия медленно выпрямилась. Её лицо стало серьёзным, но не холодным — скорее, задумчивым, как будто она решала сложное уравнение.

— Торвальд, — сказала она, — ты помнишь наш разговор? Тот самый, перед заданием? Когда мы договорились быть профессионалами?

— Помню.

— Профессионалы кончились. — Она развела руками. — Я теперь немножко дракон. Ты — мой истинный. И, честно говоря, я устала.

— Устала от чего?

— От всего. От того, что мы прячемся. — Она говорила спокойно, но её пальцы сжимали подушку так, что ткань натянулась. — Я столько лет строила эту стену. Столько лет была стервой, чтобы никто не посмел подойти ближе. А ты пришёл — и просто сел рядом. Не ломился. Ждал. Приносил ромашки.

— И облил тебя вином.

— И облил меня вином. — Она улыбнулась, но тут же снова стала серьёзной. — Я не знаю, как быть мягкой. Я не знаю, как быть нежной. Я не знаю, как быть парой. Но я знаю, что когда ты смотришь на меня — так, как сейчас, — я чувствую себя живой. И ещё я знаю, что если ты сейчас не поцелуешь меня, я, кажется, взорвусь. Или Руби взорвётся. Или мы оба.

Я не дал ей закончить. Я подался вперёд и впился в её губы — грубо, жадно, так, как требовал мой дракон. Не было ни нежности, ни медлительности, ни тех робких касаний, которые мы позволяли себе раньше. Это был поцелуй-требование. Поцелуй-захват. Мои руки сжали её талию, притягивая ближе, ещё ближе, пока между нами не осталось ни дюйма пространства. Я чувствовал её дыхание на своей коже, чувствовал, как бьётся её сердце — быстро, часто, — чувствовал, как её пальцы впиваются в мои плечи с той же отчаянной силой.

И всё это время мой дракон внутри меня ревел от восторга. «Моя. Моя. Наконец-то. Теперь — больше. Теперь — всё».

Я оторвался от неё с огромным усилием — буквально заставил себя отодвинуться, потому что знал: если мы продолжим, я не остановлюсь. Я действительно не остановлюсь.

— Валерия, — выдохнул я, — если ты не хочешь, чтобы я прямо сейчас нарушил все мыслимые и немыслимые приличия, скажи мне это. Останови меня. Потому что сам я не могу.

Она посмотрела на меня. Её губы припухли от поцелуя, платиновые волосы растрепались, а в золотых глазах горел такой огонь, что у меня закружилась голова.

— А если я не хочу тебя останавливать?

Мир покачнулся. У меня перед глазами вспыхнули изумрудные искры — кажется, это моя магия выплеснулась наружу, реагируя на эмоции. Я сжал подлокотник дивана с такой силой, что дерево треснуло.

— Ты испытываешь моё терпение, — прошептал я.

— Нет. Я испытываю своё. — Она смотрела мне прямо в глаза. — Я не знаю, что будет завтра. Не знаю, что будет через час. Но я знаю, что сегодня — сейчас — я хочу быть с тобой. Ты и я. Всё.

Честное слово, в этот момент я готов был разорвать все преграды между нами. Но где-то на задворках сознания — там, где ещё теплились остатки рассудка, — я вдруг вспомнил, кто я. Лорд Изумрудного рода. Дракон, который прожил двести пятьдесят лет и за это время научился ценить не только инстинкты, но и традиции.

— Нет, — сказал я, и сам удивился своему голосу — он был твёрдым, хотя внутри меня всё дрожало.

— Что?! — Валерия уставилась на меня с таким выражением, будто я только что заявил, что собираюсь уйти в монастырь.

Глава 11. Благородное решение

Глава 11. Благородное решение

— Я хочу тебя. Больше, чем кого-либо в своей жизни. Но я не хочу, чтобы это было на диване в чужом дворце, в гостиной, куда в любой момент может войти Корвин, или Эстель, или, того хуже, Лайра со своими комментариями. — Я перевёл дыхание. — Ты заслуживаешь большего. Ты заслуживаешь всего. И я не собираюсь начинать нашу совместную жизнь с того, что наброшусь на тебя, как дикий зверь, не в силах сдерживать свою похоть.

Она открыла рот, чтобы возразить, но я поднял руку, останавливая её.

— И ещё кое-что. — Я опустился перед ней на одно колено, прямо там, на ковре Адамантиевого дворца, среди обломков нашего разговора и отголосков битвы. — Ты — моя истинная. Метка подтвердила то, что я знал с первой секунды. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Перед законом, перед Советом, перед всеми мирами. Я хочу дать тебе не только свою магию и свою жизнь. Торвальд и Валерия. Как тебе?

В комнате стало тихо. Так тихо, что я слышал, как за окном ветер шелестит листвой, как где-то внизу затихают голоса Совета, как бьётся моё собственное сердце — громко, тяжело, в ритме, который, казалось, мог бы сотрясать стены.

Валерия смотрела на меня. Её лицо застыло в каком-то странном выражении — не то удивление, не то потрясение, не то что-то третье, чему я пока не мог подобрать названия.

— Ты делаешь мне предложение? — спросила она наконец.

— Да. Прямо сейчас. В этой гостиной, на колене, без кольца — потому что, честно говоря, я не планировал этого сегодня, — но совершенно серьёзно. Я, Торвальд Изумрудный, прошу тебя, Валерию Флинт, стать моей женой. Не только моей истинной парой по драконьему закону, но и женой по закону человеческому. И по любому другому закону, который ты захочешь.

Она молчала. Я продолжал стоять на колене — неловко, потому что колено затекало, а дракон внутри меня метался в панике: «Ты что творишь?! Она сейчас откажет! Хватай её, пока не сбежала!» — но я не двигался.

— Встань, — сказала она наконец.

— Не встану, пока не ответишь.

— Торвальд, встань, пожалуйста. Ты выглядишь идиотом.

— Я и так выгляжу идиотом. Влюблённым.

Она вдруг рассмеялась — коротко, нервно, а потом, к моему полному изумлению, её глаза наполнились слезами. Валерия Флинт — женщина, которую я видел в бою, в гневе, в холоде, в страхе, но никогда — плачущей. Она смотрела на меня, и по её щекам катились прозрачные дорожки, смешиваясь с остатками сажи от битвы.

— Ты идиот, — прошептала она.

— Это я уже слышал.

— И я тебя люблю.

У меня остановилось сердце. Потом забилось снова — в два раза быстрее.

— Что ты сказала?

— Я сказала, что ты идиот.

— Нет, после этого.

— Что люблю тебя. — Она вытерла слезы рукавом — грубо, по-бойцовски, но от этого движения моё сердце растаяло окончательно. — Я не хотела этого говорить. Я думала, что скажу это когда-нибудь потом, в более подходящий момент. Но ты встал на колени, как дурак, и всё испортил.

— Так ты согласна?

— На замужество? — Она шмыгнула носом. — А какие варианты? Ты только что пообещал, что не набросишься на меня, как зверь, пока мы не поженимся. Мне что, ждать ещё полгода, пока ты соберёшься с духом?

— Я думаю, мы можем пожениться завтра, — сказал я, поднимаясь с колена и снова притягивая её к себе. — Или даже сегодня. Совет наверняка ещё не разошёлся, и у Нефритового есть полномочия регистрировать браки.

— Сегодня?! — она уставилась на меня. — Торвальд, сегодня была битва. Я чуть не умерла. Ты чуть не умер. Мы оба грязные, уставшие, в крови, и ты хоче...

— Да, — перебил я. — Именно сегодня. Потому что завтра может не быть. Я слишком хорошо знаю, как это бывает. Я живу уже много лет, и за это время я потерял слишком многих, чтобы откладывать что-то важное на потом. Ты — самое важное, что случилось со мной за все эти годы. И если ты согласна, я хочу, чтобы ты стала моей женой до того, как солнце взойдёт над этим проклятым городом.

Она долго смотрела на меня. А потом сказала:

— Ладно.

— Ладно?!

— Ладно, давай поженимся. Сегодня. Прямо сейчас. Пока я не передумала. И пока твой дракон не разнёс дворец от нетерпения.

Я не выдержал. Я засмеялся — счастливо, громко, — и подхватил её на руки. Она ахнула, вцепилась в мои плечи, но я уже кружил её по комнате, не обращая внимания ни на усталость, ни на боль в раненом плече, ни на то, что мы оба выглядели как после драки в грязевой яме.

— Поставь меня! — потребовала она, но в её голосе не было злости. Только смех.

— Ни за что. Я не отпущу тебя больше никогда.

— Торвальд!

— Валерия Изумрудная. Звучит.

— Звучит как название драгоценного камня.

— Ты и есть драгоценный камень. Мой.

Я остановился и поставил её на ноги, но рук не разжал. Мы стояли посреди комнаты — растрёпанные, грязные, счастливые, — и смотрели друг на друга так, будто видели впервые.

— Я хочу тебя, — сказал я. — Очень хочу. Но я сдержу слово: мы поженимся, и только потом я позволю себе всё то, о чём мечтал эти месяцы. Ты согласна ждать?

— Если ты думаешь, что я буду ждать, как послушная невеста, сложа руки, ты меня плохо знаешь. — Она улыбнулась той самой улыбкой, от которой у меня всегда подкашивались колени.

— Я найду Нефритового через пять минут. Даю слово.

— Тогда иди. — Она легонько толкнула меня в грудь. — Ищи своего старейшину, договаривайся. А я пока приведу себя в порядок. Не могу же я выходить замуж в таком виде.

— Ты прекрасна в любом виде.

— Лстец.

— Реалист.

Я наклонился и поцеловал её ещё раз — на этот раз мягко, почти целомудренно. Но даже от этого лёгкого касания по моему телу пробежала дрожь, а дракон внутри меня заурчал с новой силой.

«Скоро, — пообещал я ему мысленно. — Очень скоро».

И вышел из комнаты, оставив её стоять посреди гостиной — с растрёпанными платиновыми волосами, с алыми от поцелуев губами, с меткой, горящей на запястье изумрудно-розовым светом.

Мне казалось, что я лечу.

Я почти бежал по коридорам Адамантиевого дворца — благо, ориентироваться здесь я уже научился за те дни, что мы провели в гостях у Корвина и Эстель. В голове билась одна мысль: «Найти Нефритового. Сейчас. Немедленно». А рядом с ней — другая, более тихая, но от того не менее настойчивая: «Валерия сказала, что любит меня».

Она сказала это. Сама. Без принуждения, без метки, без всего того, что могло бы вызвать это чувство искусственно. Просто — сказала. И от осознания этого мне хотелось петь.

Я свернул за угол и едва не столкнулся с Кайданом Сапфировым. Он стоял у окна и, судя по выражению лица, пытался осмыслить произошедшее. Рядом с ним, как всегда, была Адэль — её рука лежала на его плече, а сама она что-то тихо говорила ему на ухо.

— Кайдан! — окликнул я, даже не пытаюсь скрыть ликования в голосе. — Ты не знаешь, где Нефритовый?

Он обернулся. Оглядел меня — растрёпанного, грязного, с горящей чешуёй, с сияющей меткой на запястье, — и понимающе хмыкнул.

— Поздравляю, — сказал он.

— С чем?

— С меткой. С женщиной. С тем, что ты наконец перестал быть ходячей катастрофой. — Он покачал головой. — Нефритовый в Малом зале, они с Аметистовым обсуждают судьбу рубиновых шахт. А что, срочно?

— Очень. — Я уже развернулся, чтобы бежать дальше, но задержался на секунду. — Кайдан, ты не мог бы найти Валерию и помочь ей подготовиться? Ей нужно платье. И вообще — всё, что нужно для свадьбы.

— Для свадьбы?! — брови Кайдана поползли вверх. — Ты женишься прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

— Торвальд, ты серьёзно?

— Более чем. — Я улыбнулся так, что, кажется, осветил весь коридор. — Она сказала «да».

Кайдан посмотрел на Адэль, Адэль посмотрела на Кайдана, а потом они оба посмотрели на меня с одинаковым выражением — смесь удивления и желания закатить глаза.

— Ладно, — сказала Адэль. — Я найду Валерию. У Эстель должно быть что-то подходящее, мы примерно одного размера. А ты, — она ткнула пальцем в мою грудь, — приведи себя в порядок. Ты не можешь жениться в таком виде.

— У меня нет времени на...

— Торвальд! Ты лорд. Ты женишься на женщине, которая спасла всех нас. Будь добр выглядеть соответственно.

Я вздохнул. Она была права, как всегда.

— Хорошо. Умоюсь. Найду чистый камзол. Но потом — сразу к Нефритовому.

— Договорились. Иди.

Я побежал дальше, а за спиной услышал, как Кайдан тихо сказал Адэль: «Помнишь нас?» — и она ответила: «Мы были хуже. Гораздо хуже». И оба рассмеялись.

Через час всё было готово.

Не скажу, что это была самая роскошная свадьба в истории драконьих родов — скорее, самая быстрая. Нефритовый старейшина, пожилой дракон с чешуёй цвета морской волны и глазами, полными вековой мудрости, согласился провести церемонию без лишних формальностей. «Ради любви, — сказал он, — можно пренебречь бюрократией».

Корвин и Эстель были свидетелями. Лайра и Рейнхарт пришли поддержать — хотя Лайра всю церемонию простояла с лицом «я-слишком-крута-для-этого», а Рейнхарт тихо ворчал, что они могли бы предупредить заранее...

Валерия вошла в зал под руку с Адэль.

И я замер.

Глава 12. Первый дракон против.

Глава 12. Первый дракон против.

Она надела платье Эстель — изумрудное, струящееся, с золотой вышивкой по подолу, — и на мгновение мне показалось, что передо мной не человек, а богиня. Её платиновые волосы были уложены в простую причёску, которую Адэль соорудила за пять минут, на лице — ни грамма косметики (не было времени, да и не нужна она ей), но при этом она сияла. Буквально. От неё исходило мягкое золотисто-розовое свечение — то ли Прародитель, то ли Руби, то ли она сама, — и в этом свете она была прекрасна так, что у меня перехватило дыхание..

— Ты смотришь на меня, как будто впервые видишь, — сказала она, подходя ближе.

— Ты каждый раз другая, — ответил я. — И каждый раз я влюбляюсь заново.

— Лстец.

— Реалист.

Нефритовый кашлянул, призывая нас к порядку. Церемония началась.

Я не запомнил всех слов, которые он произносил. Что-то о древних законах, о крови, о верности, о том, что истинная пара — это благословение Первых Драконов. Я слышал только её дыхание, видел только её глаза — золотые, с розовым отливом, наполненные слезами, которые она упрямо не позволяла пролиться. Я держал её за руку и чувствовал, как метка на моём запястье пульсирует в такт её сердцу.

— Согласен ли ты, Торвальд Изумрудный, взять в жёны Валерию Флинт, обещая ей свою защиту, свою магию, свою жизнь и свою смерть?

— Согласен.

— Согласна ли ты, Валерия Флинт, взять в мужья Торвальда Изумрудного, обещая ему свою верность, свою силу, свою жизнь и свою смерть?

— Согласна.

— Тогда властью, данной мне Советом Тринадцати и Первыми Драконами, я объявляю вас мужем и женой.

В этот момент метка на моём запястье вспыхнула так ярко, что осветила весь зал. Такая же вспышка произошла на руке Валерии. Два света — изумрудный и розовый — переплелись, слились в одно сияние, и я почувствовал, как что-то внутри меня встало на свои места. Как будто весь мир на мгновение замер, а потом выдохнул и продолжил вращаться — но уже правильно.

— Теперь можешь поцеловать невесту, — сказал Нефритовый, и в его голосе послышалась тёплая усмешка.

Я не заставил просить дважды.

Это был поцелуй-клятва. Я целовал её медленно, нежно, смакуя каждое мгновение, и чувствовал, как она отвечает мне с той же неспешной уверенностью.

— Я люблю тебя, — прошептал я в её губы.

— И я тебя тоже.

Лайра свистнула так, что зазвенели стёкла. Рейнхарт одобрительно рыкнул. Эстель плакала, не скрываясь, а Корвин обнимал её за плечи и улыбался.

— А теперь, — сказала Валерия тихо, так, чтобы слышал только я, — отведи меня туда, где нас никто не побеспокоит.

И от этих слов мой дракон внутри меня замахал хвостом с такой силой, что я едва устоял на ногах.

— Ты уверена? — спросил я. — Мы можем подождать. Я обещал, что...

— Торвальд. — Она посмотрела на меня тем самым взглядом, который не оставлял места для сомнений. — Я ждала тридцать пять лет. Ты ждал двести пятьдесят. По-моему, мы достаточно ждали.

Я подхватил её на руки и понёс к выходу.

За спиной снова засвистела Лайра, а Адэль крикнула что-то про «не забудьте про брачную ночь», но мне было плевать. Я пересёк коридор, толкнул дверь в наши покои, вошёл внутрь и наконец — наконец-то — остался с ней наедине.

Я опустил Валерию на ноги и замер, глядя на неё. На её лицо, освещённое мягким светом луны, пробивающимся сквозь витражные окна. На её волосы, рассыпавшиеся по плечам, пока я её нёс. На её платье, которое подчёркивало каждый изгиб её тела. На её глаза, полные того самого желания, которое разрывало меня изнутри.

— Я хочу тебя, — сказал я, и голос сорвался до шёпота. — Сейчас. Здесь. Так, как хотел с той самой минуты, когда увидел в Изломе. Но...

— Никаких «но». — Она прижала палец к моим губам. — Ты — мой муж. Я — твоя жена. И сейчас, Торвальд Изумрудный, я хочу, чтобы ты перестал быть джентльменом.

Я прижал её к стене — бережно, но требовательно. Мои руки скользнули по её талии, по рёбрам, по плечам, сминая ткань платья, а мои губы нашли её шею — то место за ухом, где бился пульс. Валерия ахнула и вцепилась в мои плечи. Её запах — тот самый, пьянящий, — заполнил мои лёгкие, и я на мгновение перестал быть разумным существом. Остались только инстинкты. Только она.

Я целовал её шею, плечи, ключицы — везде, куда мог дотянуться, — а её пальцы тем временем расстёгивали мой камзол с той же лихорадочной поспешностью. Пуговицы летели на пол. Где-то треснула ткань, но нам было всё равно.

— Ты не представляешь, — прошептал я между поцелуями, — сколько раз я представлял это. Твою кожу. Твой запах. Твой вкус.

— Так покажи, — ответила она, и в её голосе не было ни страха, ни сомнения. Только вызов. Тот самый, который я так любил.

Я подхватил её на руки и понёс к кровати.

Дальнейшее я запомнил урывками — потому что мой дракон окончательно взял верх, и разум отступил на второй план. Я помню шёлк её платья, скользкий под моими пальцами. Помню, как оно упало на пол — изумрудной волной. Помню её дыхание — частое, прерывистое, — и своё собственное, такое же сбитое. Помню её руки на моей спине и то, как она выгнулась мне навстречу, когда я наконец перестал сдерживаться.

И тут я услышал его. Нет, не своего дракона. Его, Первого.

Это было как если бы в жарко натопленную комнату вдруг впустили ледяной сквозняк. Как если бы посреди битвы, когда клинок уже занесён для удара, кто-то положил руку тебе на плечо и тихо сказал: «Остановись». Это не было болью. Это было иначе — отрезвляюще, отрезвляюще до злости, до дрожи, до такого резкого падения с высоты, что у меня перехватило дыхание.

Валерия замерла подо мной. Её глаза, только что затуманенные страстью, вдруг вспыхнули — не розовым, не золотым, а ослепительно-белым светом, как будто в её зрачках зажглась звезда. Тело выгнулось, но иначе — не от наслаждения, а от присутствия, которое заполнило комнату до краёв и не оставило места ни для чего, кроме себя.

Я отшатнулся, скатился с неё, вжался спиной в изголовье кровати. Дракон внутри меня взвыл — от ярости, от того, что его прервали на самом пике. Я почувствовал, как чешуя на моих плечах встаёт дыбом, как когти прорезаются сквозь кожу на пальцах. Инстинкт требовал защищать. Драться. Рычать. Но я не мог пошевелиться.

Валерия — или уже не совсем Валерия — села на кровати. Простыня соскользнула с её плеч, но она, казалось, этого даже не заметила. Её лицо было спокойным, отстранённым, а голос, когда она заговорила, звучал как раскат далёкого грома — глубоко, многоголосо, с отзвуком тысячелетней древности.

— Остановись, изумрудный.

Я сглотнул. Во рту пересохло.

— Аэтерис, — прохрипел я, узнавая. — Ты... ты не мог выбрать другое время?

Авторское

Дорогой читатель!

Если ты сейчас читаешь эти строки — значит, ты уже герой, потому что добрался до момента, где автор традиционно начинает канючить ## Садись поудобнее, сейчас будет та самая просьба, от которой зависит, взлетит эта книга в топ или останется пылиться на задворках интернет-вселенной.

Представь: книга — это маленький, но гордый звездолёт. Текст написан, двигатели прогреты, сюжет машет тебе из иллюминатора... Но без звёзд и комментариев он так и будет стоять на стартовой площадке, грустно гудя. А алгоритмы площадки — те ещё сороки: они обожают движуху. Чем больше комментариев под книгой, тем громче эти цифровые сороки трезвонят: «Тут что-то интересное! Скорее тащите это в топ!» ##

Поэтому я пришла к тебе с шуточной, но отчаянной просьбой:

· Влепи звёздочку — не жмись, они нынче не кусаются, зато греют авторскую душу сильнее пледа с оленями. Звезда — это как сказать книге: «Ты супер, держи краба!» ##★

· Черкани комментарий — любой, даже самое простое «Ахаха», «Автор, ты где такое взял?» или грозное «Где продолжение, я всё прочитал в три ночи?!» Каждый твой коммент — это волшебный пендель, который подбрасывает книгу повыше в рейтинге, где её увидят другие замечательные люди.

Честно: молчаливых читателей я, конечно, тоже нежно люблю (вы загадочны, как ниндзя), но книге от вашего молчания хочется свернуться калачиком и тихонько лечь на дно. Ей нужны ваши голоса! Представь, что ты не просто ставишь звёздочку, а буквально выкрикиваешь в рупор: «Эй, народ, эта история стоит вашего внимания!» ###

Так что давай договоримся: ты мне пару слов, я тебе — мысленное рукопожатие и обещание плясать от радости под каждым новым отзывом. Если оставишь развёрнутый комментарий, будешь считаться почётным соавтором моей радости. А если ещё и друзьям посоветуешь — я, кажется, просто улечу в космос без скафандра от счастья ##

Короче, звёзды — наше всё, комменты — наше топливо. Не дай книге замёрзнуть в открытом космосе!

Заранее обнимаю, благодарю и подмигиваю с экрана.

Глава 13. Полный облом

Глава 13. Полный облом

— Я мог бы, — ответил он её устами, и в этом ответе не было ни насмешки, ни злорадства. Только усталость. — Но ты бы не остановился. А я не могу позволить вам довести начатое до конца.

— Почему? — выдохнул я. — Мы муж и жена! Она моя истинная! Мы имеем право!

— Право имеете, — согласился он. — Но последствия будут катастрофическими.

Я посмотрел на него — на неё — на них. Валерия сидела неподвижно, как статуя, но в её глазах, за этим белым светом, я видел проблески её собственного сознания. Она была там. Слышала всё. И, судя по тому, как дёргался уголок её губ, была в ярости не меньше моего.

— Объясни, — потребовал я, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё кипело. — Что именно случится, если я сейчас продолжу?

Аэтерис помолчал, как будто обдумывая, с чего начать. Потом заговорил, и каждое слово падало тяжело, как камень в воду.

— Моя сущность находится в этом теле. Я связан с ним настолько тесно, что любое изменение — физическое, магическое, эмоциональное — может повлиять на мой переход. Если вы зачнёте ребёнка сейчас, когда я ещё внутри, я не смогу покинуть это вместилище. Моя сила привяжется к новой жизни, к вашему ребёнку, и тогда пророчество будет нарушено.

— Почему? — переспросил я. — Какая разница, в какого ребёнка тебе переселяться? В нашего или в ребёнка Эстель и Корвина?

— Разница в том, что ребёнок Эстель и Корвина был предсказан, — ответил он. — Их союз создан именно для этого. Их крови — адамантий и изумруд — смешаются в правильной пропорции, чтобы вместить меня без разрушения. Ваш ребёнок будет другим. В нём будет кровь человека. И кровь Руби. И твоя кровь.. Три силы, которые не должны смешиваться. Я не знаю, что получится. Возможно, ничего. Возможно, чудовище. Возможно, смерть для вас обоих и для младенца. Я не стану рисковать.

Я сжал кулаки. Дракон внутри меня рвался наружу, требуя немедленно разорвать того, кто встал между нами, но разум — то, что осталось от разума, — понимал: он прав.

— Ты хочешь сказать, — медленно проговорил я, — что мы не можем... вообще? Пока ты не уйдёшь?

— Именно это я и хочу сказать.

— И сколько нам ждать?

— Пока Эстель и Корвин не зачнут ребёнка. Пока я не переселюсь в него. Пока это тело не освободится от моего присутствия.

— Это может занять месяцы! — взорвался я. — Ты понимаешь, что ты требуешь?

— Понимаю, — ответил он, и в его голосе на мгновение прорезалось что-то человеческое. — Я понимаю вас. Я помню, что такое желание. Но сейчас на кону судьба миров. Неужели ты думаешь, что я стал бы вмешиваться, если бы был другой путь?

Я замолчал. Потому что ответа у меня не было.

Тишину нарушила Валерия. Её голос — её собственный, хриплый и злой — прорвался сквозь белую пелену.

— Аэтерис, — сказала она, и я услышал, как в этом имени звенит сталь, — если ты сейчас же не вернёшь мне контроль над моим телом, я найду способ выжечь тебя из себя. Понял?

Белый свет в её глазах мигнул. Древний дракон, казалось, колебался. Потом медленно — слишком медленно для моего нетерпения — сияние погасло, и Валерия обмякла, привалившись к спинке кровати. Я тут же подался к ней, подхватил, прижал к себе. Она была холодной. Очень холодной.

— Ты в порядке? — спросил я, заглядывая ей в лицо.

— В порядке? — она горько усмехнулась. — Меня только что прервали на самом интересном месте, а древний дракон, живущий у меня в голове, заявил, что я не могу заниматься сексом с собственным мужем. Нет, Торвальд, я не в порядке. Я в бешенстве.

— Я тоже, — признался я. — Мой дракон сейчас готов разнести этот дворец по камешку.

— Не надо. — Она положила руку на мою грудь, и от этого прикосновения по моему телу снова пробежала дрожь желания, смешанного с отчаянием. — Это не поможет. Нужно думать, что делать.

— Думать? — я фыркнул. — Я не могу думать! Мой мозг отключился примерно в тот момент, когда ты вошла в зал в этом платье, и с тех пор не подавал признаков жизни.

Она натянула на плечи край простыни и обхватила колени руками, становясь похожей на обиженную девочку.

— Итак, подведём итоги: у нас есть пророчество, которое требует, чтобы Эстель и Корвин зачали ребёнка. У нас есть Первый дракон, который отказывается уходить, пока этот ребёнок не появится. И у нас есть мы — муж и жена, которые только что поженились и не могут прикоснуться друг к другу без риска породить чудовище.

— Или умереть, — добавил я.

— Или умереть. Это очень романтично, Торвальд. Спасибо, что предупредил заранее.

— Я не знал! — возмутился я. — Откуда я мог знать, что моя свадебная ночь закончится инструктажем по технике безопасности от тысячетлетнего дракона?

Она посмотрела на меня, и в её глазах — теперь снова золотых, с лёгкой розовой искоркой — заплясали смешинки. Даже сейчас, в этой абсурдной ситуации, она находила повод для сарказма. За это я её и любил.

— Что говорит Руби? — спросил я осторожно.

Валерия прислушалась к себе — на секунду её взгляд стал отсутствующим, — а потом фыркнула.

— Руби говорит, что Аэтерис — старый зануда. Что она тоже хочет «поучаствовать», и что если мы не можем по-настоящему, то можно хотя бы целоваться. Она настаивает.

— Целоваться? — я криво усмехнулся. — Целоваться я могу. Но это всё равно что пытаться напиться, глядя на бутылку вина через стекло.

— Примерно так, — согласилась она. — Но это лучше, чем ничего.

Я наклонился и поцеловал её — мягко, осторожно, стараясь не распалить себя ещё больше. Но даже от этого невинного касания моя кровь вскипела, а дракон внутри меня жалобно заскулил. «Почему?» — казалось, спрашивал он. «Почему нельзя?»

— Потому что, — ответил я ему мысленно, — потому что иначе мы можем её потерять.

И эта мысль помогла. Немного. Совсем чуть-чуть.

Мы просидели в молчании ещё несколько минут, приходя в себя. Потом Валерия вдруг решительно откинула простыню и встала.

— Так, — сказала она, — план действий. Сейчас мы одеваемся. Идём к Эстель и Корвину. И объясняем им, что они должны немедленно заняться производством наследника, потому что от этого зависит наша личная жизнь.

Я уставился на неё.

— Ты серьёзно? Вот прямо сейчас?

— А что, ты хочешь ждать ещё несколько месяцев?

— Нет, но... — я осёкся, представив себе эту сцену. Стук в дверь. Заспанный Корвин. Смущённая Эстель. Я, пытающийся объяснить, что им нужно срочно зачать ребёнка, потому что иначе я не могу переспать со своей женой. Это будет самое неловкое объяснение в истории драконьих родов.

— Они поймут, — сказала Валерия, читая мои мысли. — Корвин — он привык к нестандартным ситуациям. А Эстель — твоя кузина. Она тебя любит и не захочет, чтобы ты страдал.

— Я не страдаю! — возразил я, натягивая штаны. — Я... в некотором роде возбуждён. И разочарован. И очень зол на древнего дракона, который решил, что сейчас — подходящее время для лекции по генетике.

— Ты страдаешь, — отрезала она. — Я вижу твою чешую. Она пульсирует.

Я посмотрел на свои руки. Чёрт. Она была права. Чешуя на предплечьях мерцала изумрудным светом в ритме моего сердца — быстрым, рваным, совершенно неприличным для лорда.

— Ладно, — сдался я. — Идём.

Мы вышли в коридор. Дворец спал. Где-то вдалеке слышались голоса — наверное, стража обсуждала события прошедшего дня. Мы миновали галерею, поднялись на второй этаж, где располагались гостевые покои Эстель и Корвина. У двери я замялся.

— Может, подождём до утра?

— Торвальд, — она посмотрела на меня с выражением, которое не предвещало ничего хорошего, — ты сам сказал: «завтра может не быть». Сегодня мы поженились. Сегодня мы чуть не умерли. Сегодня Первый дракон испортил нам брачную ночь. Я не собираюсь ждать до утра. Стучи.

Я постучал.

Тишина. Потом шорох, приглушённый голос Корвина («Какого...»), шаги. Дверь приоткрылась, и на пороге возник мой новоиспечённый родственник — взлохмаченный, в одних штанах, с кинжалом в руке .

— Торвальд? — он удивлённо уставился на нас. — Что-то случилось?

— Все в порядке, — быстро сказала Валерия. — Но случилось другое. Можно войти?

Корвин посторонился, пропуская нас. В комнате горела одна свеча, Эстель сидела на кровати, закутавшись в одеяло, и смотрела на нас с тревогой, которая быстро сменилась недоумением при виде наших лиц.

— Вы выглядите так, будто вам только что сообщили о конце света, — заметила она.

— Почти, — ответил я, садясь на стул. — Точнее, о конце нашей брачной ночи. Которая закончилась, не начавшись.

И я рассказал им про вмешательство Аэтериса, про его предупреждение, про то, что мы не можем... ну, вы понимаете... пока он не переселится в их ребёнка. Пока я говорил, Корвин медленно опустился на край кровати, а Эстель всё больше краснела.

— То есть, — медленно проговорил Корвин, когда я закончил, — вы пришли к нам посреди ночи, чтобы сказать, что мы должны немедленно заняться сексом?

— В общих чертах — да, — подтвердила Валерия. — Извините за беспокойство.

Повисла пауза. А потом Корвин вдруг расхохотался — тихо, но неудержимо, запрокинув голову. Эстель пихнула его локтем, но это не помогло — он продолжал смеяться, вытирая выступившие слёзы.

— Это самая абсурдная причина для визита, которую я когда-либо слышал, — выдавил он наконец.

— Я рад, что тебе весело, — хмуро ответил я. — А мне вот не очень.

— Прости-прости. — Он выдохнул, успокаиваясь. — Просто это... это даже для нашей семейки слишком.

— Мы понимаем, — тихо сказала Эстель, и её голос прозвучал серьёзно. — Я понимаю. Мы с Корвином... мы не планировали тянуть. Но сейчас, после всего, что случилось, нам нужно немного времени. Прийти в себя. Убедиться, что всё безопасно.

— Время есть, — сказала Валерия. — Но не слишком много. Аэтерис сказал, что его присутствие во мне не бесконечно стабильно. Чем дольше он остаётся, тем больше риск, что что-то пойдёт не так.

— Мы поняли, — кивнул Корвин, становясь серьёзным.

— Только, пожалуйста, — добавил я, поднимаясь, — когда вы... когда это случится... дайте нам знать.

— Договорились, — усмехнулся Корвин. — Я пришлю тебе сообщение: «Миссия выполнена. Приступайте к своим делам».

— Очень смешно.

— Я серьёзно. Так и сделаю.

Мы попрощались и вышли обратно в коридор. Я чувствовал себя вымотанным — физически, эмоционально, магически. Но когда мы вернулись в наши покои и Валерия легла рядом со мной поверх покрывала, не пытаясь больше ничего, я понял, что это не конец. Это только начало ожидания.

— Торвальд, — прошептала она в темноте.

— М?

— Я кажется кое что придумала.

Глава 14. Компромисс (начало)

Глава 14. Компромисс

Валерия

— Я, кажется, кое-что придумала.

Слова вырвались раньше, чем я успела их обдумать. Но как только они прозвучали в темноте нашей спальни, я поняла: да, придумала. Идея зрела где-то на задворках сознания последние полчаса, пока мы лежали молча, держась за руки и пытаясь убедить самих себя, что ожидание — это нормально. Возможно, это Руби нашептала. Возможно, мой собственный извращённый разум. В любом случае, теперь у меня был план.

— Что придумала? — голос Торвальда прозвучал устало, но с проблеском любопытства.

— Не спрашивай. Пока не спрашивай.

Я села на кровати, отбросила простыню и встала. Комната освещалась только луной, пробивающейся сквозь витражи, и мягким изумрудным мерцанием его чешуи. Я видела его силуэт на кровати — он лежал, всё ещё напряжённый, всё ещё возбуждённый, но уже смилившийся с тем, что эта ночь не принесёт облегчения.

Бедный дракон. Он и правда страдал.

— Валерия? — он приподнялся на локте. — Что ты делаешь?

— То, что должна была сделать сразу, как только Аэтерис закончил свою лекцию, — ответила я и начала расстёгивать рубашку.

Это была его рубашка — я натянула её, когда мы вернулись от Эстель и Корвина, потому что моего платья в комнате уже не было (кажется, оно осталось где-то на полу в виде изумрудной лужицы). Рубашка была велика мне на несколько размеров, пахла им, и я знала, что он смотрит, как ткань соскальзывает с моих плеч.

— Ты раздеваешься, — констатировал он хрипло. — Ты помнишь, что сказал Аэтерис?

— Помню. — Я позволила рубашке упасть на пол и осталась перед ним обнажённой, если не считать метки, горящей на запястье. — Он сказал, что мы не можем... в традиционном смысле. Но он не говорил, что мы вообще не можем прикасаться друг к другу.

Торвальд сел на кровати. Его глаза в темноте горели изумрудным огнём, и я видела, как ходит кадык, когда он сглатывает.

— Валерия, — произнёс он медленно, почти предупреждающе, — если ты продолжишь, я не смогу остановиться. Ты понимаешь это? Я на пределе. Мой дракон на пределе. Ещё немного — и я просто забуду обо всех предупреждениях.

— А ты и не останавливайся, — сказала я, делая шаг к кровати. — Просто делай то, что я скажу.

Он смотрел на меня с таким выражением, будто я предлагала ему прыгнуть в пропасть, пообещав, что внизу мягко. Возможно, так и было. Но я слишком хорошо знала анатомию — и человеческую, и драконью, — чтобы понимать: Аэтерис говорил именно о зачатии. О соединении. О том, что может привести к появлению новой жизни. Но есть и другие способы. Способы, которые не нарушат пророчество и не разбудят гнев Первого дракона, но при этом позволят нам наконец снять это чудовищное напряжение.

— Доверься мне, — добавила я тихо, останавливаясь у края кровати. — Я знаю, что делаю.

Я знала, что делаю. Руби внутри меня тихо мурлыкала, предвкушая. Она была полностью на моей стороне — и, в отличие от Аэтериса, не собиралась читать лекции о генетике. Она хотела играть. Хотела чувствовать. Хотела доставить удовольствие и мне, и ему, и себе.

— Ложись, — скомандовала я, и Торвальд, всё ещё глядя на меня с опаской и голодом пополам, подчинился.

Я забралась на кровать, но не легла рядом, как он ожидал, а двинулась дальше — туда, где его тело напряжённо замерло в ожидании. Мои ладони скользнули по его груди, по животу, по рёбрам, чувствуя, как дрожат мышцы под моими пальцами. Он был горячим — горячее обычного, — и его чешуя на предплечьях пульсировала в такт сердцу.

— Что ты задумала? — выдохнул он.

— Увидишь. — Я наклонилась и поцеловала его в живот, чувствуя, как он вздрагивает. — Просто расслабься.

— Расслабиться? Ты серьёзно? — в его голосе прозвучал истерический смешок. — Ты стоишь передо мной обнажённая, целуешь меня в живот, а я должен расслабиться?

— Да. — Ещё один поцелуй, ниже. — Закрой глаза.

— Не могу. Если я закрою глаза, я пропущу что-то важное.

Я усмехнулась. Какой же он всё-таки... Торвальд. Упрямый, голодный, не способный отвести взгляд.

Я развернулась. Медленно, давая ему время понять, что я делаю. Перекинула ногу через его торс, устраиваясь так, чтобы мои бёдра оказались по обе стороны от его головы, а моё лицо — над его животом. В этом положении я видела его всего: напряжённые мышцы, горящую чешую, и то, что не оставляло сомнений в его желании — твёрдое, пульсирующее, прижатое к животу.

— Валерия, — прошептал он, и в этом шёпоте была мольба, предупреждение, надежда и страх одновременно. — Что ты...

— Доверься, — повторила я. — Просто доверься.

И, не дав ему больше времени на размышления, я наклонилась и провела языком по его животу, спускаясь ниже. Услышала, как он резко втянул воздух. Почувствовала, как его бёдра напряглись. Мои собственные ощущения обострились до предела — каждое прикосновение отдавалось электрическим разрядом, и где-то глубоко внутри Руби вздохнула от наслаждения.

— Ты ..., — прошептала я, целуя его кожу. — Сводишь меня с ума.

— Я?! — он почти задохнулся. — Это ты... что ты делаешь...

— А ты не понял?

Глава 14. Компромисс (окончание)

Я обхватила его губами — осторожно, нежно, давая время привыкнуть к ощущению.

И Торвальд зарычал. Его реакция была настолько сильной, что на мгновение мне показалось, будто комната озарилась изумрудной вспышкой. Его тело выгнулось навстречу, из горла вырывался звук — что-то среднее между стоном и рычанием, — а его руки судорожно сжали мои бёдра. Я почувствовала, как его пальцы скользят по моей коже, ища точку опоры, и наконец находят — сжимаются на моих ягодицах, притягивая меня ближе, ближе, по

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.